

БРЕНДАН БИЭН

Говоря о веревке

Трагикомедия в трех актах

Перевод с английского ИОСИФА БРОДСКОГО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Арестанты

Данлейн
Сосед
А. (тяжелый случай)
Б. (тридцатилетний)
Бессрочник
Новенький
Миксер
Английский голос
1-й малолетка
2-й малолетка (Шейбо)
В. (парень с острова)
Г. (растратчик)
Д. (букмекер)

Надзиратели

Шеф (Корпусной или Старшой)
Риган
Криммин
Донелли (1-й надзиратель)
Новенький (2-й надзиратель)
Начальник тюрьмы (Хозяин)
Хили
Палач («Сам»)
Дженкинсон

АКТ ПЕРВЫЙ

Пение арестанта в одной из камер:

Здесь холод-голод, а я так молод,
И мышь скребется, мешает спать.
Тюрьма ночами
Гремит ключами,
И их далёко вокруг слышать.

Занавес поднимается.

Сцена представляет собой нижний этаж корпуса Б-1 в городской тюрьме. На металлических дверях камер — таблички с именем, возрастом и вероисповеданием обитателя. На двух камерах таблички отсутствуют.

В левой части сцены — площадка, ведущая к административному центру тюрьмы; правая кончается стеной, стоящей под прямым углом к публике. В стене — окно, в которое можно увидеть прачечный двор женской тюрьмы. На торце стены — лицом к публике — огромными, типа вывески викторианским шрифтом слово «ТИХО!».

Голос арестанта. Чуть солнце встанет, как мусор тянет:
«Займись приборкой, тяни свой срок».

Ах, друг любезный,
 Замок железный,—
 А дом родимый далек, далек.

Хрипло и громко звякает треугольник — инструмент, с помощью которого в английских тюрьмах подаются сигналы; вроде нашей сирены или рельса. Торопливо входит и а д з и р а т е л ь, позванивая связкой ключей, направляется к свободным камерам, заглядывает в глазки, вынимает из кармана две таблички и прикрепляет их к дверям камер.

Потом подходит к остальным дверям и отпирает их.
 Тем временем певец в подвале переходит к третьему куплету:

Ах, мусор шнырит и в дырку зырит,
 А эк рыдает в своей норе...

но успевает дойти только до второй строчки, когда надзиратель перегибается через перила и орет.

Надзиратель. Мусор слышит не хуже, чем зырит! Прекрати скулеж, не то и впрямь наплачешься. Могу, между прочим, спуститься — завоешь по делу.

Пение прекращается.

(Выпрямившись, надзиратель кричит на весь корпус.) Корпуса Б-2, Б-3 и Б-1, стать у дверей! Выходи на opravку! Выходи! Начинай приборку! *(Уходит направо.)*

Арестанты А. и Б. выходят из камер, берут ведра и щетки и начинают обычную утреннюю приборку. А.— мужчина лет сорока, у которого за плечами две судимости; сейчас он приговорен к пяти годам, а то и больше. Б.— помягче, приятной наружности, держится непринужденно.

А. Неплохой денек для скачек, а?

Б. Боюсь, сэр, сегодня не выберусь. Слишком много дел в офисе. Ты слышал ночью суматоху в корпусе Д.? Может, помилование пришло?

А. Ага, хотя там два кадра с вышкой. Интересно, кому скостили.

Б. Данлейн должен знать, спроси-ка его.

А. Данлейн!

Голос из камеры. Эти ручки раскроют объятья,
 Эти губы хочу целовать я,
 Эти глазки, чей блеск...

А. Эй, Данлейн! Ты собираешься прибирать свое гнездышко?

Голос. Там, где синие тени в плену
 У заката, там я отдохну,
 И заботы дня
 Отлетят от меня...

Данлейн появляется в дверях своей камеры; он натирает тряпкой эмалированный ночной горшок. Старик, прошедший большую часть своей жизни по тюрьмам, он, в отличие от большинства старожил, еще не окончательно отупел в заключении.

Данлейн. ...Лишь вернусь в родную страну.

А. Чего ради ты его так полируешь? Это что, по-твоему, Железнодорожный кубок?

Данлейн. По случаю важного гостя. Хили из Департамента юстиции будет сегодня инспектировать камеры.

А. Да он же недавно был тут.

Данлейн. Он всегда появляется накануне казни. Наверное, он в Бюро Ремней и Веревок.

Б. Слушай, Данлейн. Ты ведь в угловой камере, там, где все эти трубы отопления, так что слышишь все новости, стоит только приложить ухо...

Данлейн. Ну и?

Б. Что там за шухер был ночью, в корпусе Д.? Что, этому фраеру отменили вышку?

Данлейн. Минуточку, я только водворю на место свой фарфор, а потом все расскажу. Во-первых, кого именно ты имеешь в виду? Того деятеля,

который забил насмерть жену тростью с серебряным набалдашником, подаренной ему к юбилею Объединенным Управлением доплаты и Возмещений блаженной памяти Великой Южной железной дороги? Ага, ему отменили. Хотя почему ему, а не тому, второму, этого я в толк не возьму.

А. Ну, они просто посчитали, что он убил ее, и все. Он же не кромсал ее потом ножом, как мясник.

Данлейн. Это точно, второй малый — настоящий мясник. Настоящий поступок человека с болот. Почти так же плохо, как палить из дробовика или намешать химикалиев в супчик. И конечно, этот тип с серебряным набалдашником на голову выше мясника. С любой точки зрения.

А. М-да, и, полагаю, можно ждать, что Серебряный Набалдашник скоро явится сюда.

Б. Верно, у нас тут две вакансии.

А. Ага, уже новая табличка.

Данлейн. Небо свидетель, ты прав. *(Подходит и читает табличку.)* Нет, это вовсе не он, это другой парень, получивший два года за... У, грязное животное! Полюбуйтесь только, что натворил этот гнусный скот! Ну, знаете, совать мне под бок таких типов! Что они себе думают — что тут свинарник?

Б. Тут еще один, между прочим.

Данлейн. Не с теми же, надеюсь, наклонностями. *(Читает табличку.)* Ну ничего — это, слава Господу, просто убийца.

Остальные прочитывают таблички и шмыгают в свои камеры.

Что ж, вообще-то я лично ничего не имею против Серебряного Набалдашника. Убить жену — это вполне естественная вещь, что может случиться и с лучшим из нас. Но такое гнусное животное слева...

Б. Ну, здесь он будет класть свой помет, как и все.

Данлейн. Это еще не значит, что его нужно класть рядом с цветущей лужайкой. Бандиты, воры, убийцы — пусть, могу терпеть, но когда появляется что-нибудь в таком роде — тогда спокойной ночи, Джо Доил.

А. *(показывая пальцем на 22-ю камеру).* Да, этому парню крупно повезло.

Б. Трупно повезло.

А. Это же надо, два человека ждут вышки, но именно этот выкрутился. Вообще-то они не любят отменять одному и вешать другого.

Данлейн. И, опасаясь, что выйдет ни рыба ни мясо, для вящей точности вздергивают обоих.

Все трое стоят, опираясь на швабры.

Б. Чудная это, должно быть, вещь, когда в последнюю минуту тебе объявляют, что не вздернут. Ты там валяешься весь в поту и пялишься в потолок. Два мусора, назначенные в смертную стражу, приходят в полночь, а те двое, что отдежурили, жмут тебе руку, и ты опять ложишься и глазеешь на потолок.

Данлейн. И эти двое молча кивают друг другу насчет чая, потому что надо делать это тихо, чтоб тебя не разбудить, и ты поворачиваешься на койке и говоришь им: «Если уж вы пьете чай, плесните и мне». И один мусор говорит: «А, так ты не спишь, Мик. Мы как раз завариваем, хорошо, что ты сказал вовремя».

А. И после этого чай выпит, и они тебе предлагают сигарету, хотя у тебя пасть уже вся закопчена куревом, и все равно у тебя сигарет больше, чем у них, и у тебя их столько, что после тебя еще останется. И ты ложишься и встаешь, встаешь и ложишься, а два мусора не подают вида, что следят за тобой, но не спускают с тебя глаз ни на минуту, и ты все бродишь взад-вперед по камере.

Б. И они спрашивают тебя, не хочешь ли партию-другую в шашки или там написать письмо, и, дожив до утра, ты слышишь городской колокол и спрашиваешь, который час, но они не говорят.

Данлейн. Но при этом они делают такие клеветы, и один говорит: «Эти старые часы опять стали» — и потом спрашивает другого: «У тебя с собой твои часы, Джек?» И тогда этот второй откалывает свою коронную шутку: «Сейчас сбегая в ломбард и попрошу разрешения взглянуть на них». И потом дверь открывается, и у обоих, конечно, душа в пятки, и они входят и просят его постоять минутку — то есть если он может,— пока они кое-что ему прочитают: «Мне поручено сообщить вам, что министр решил, не решил, решил, не решил, рекомендовать Президенту, чтобы...»

А. И тут этот парень говорит: «Вы сказали, решил рекомендовать или решил не рекомендовать? Что-то я не подсекаю как следует».

Данлейн. Но, кем буду, он все сечет; хотя, помню, был однажды такой случай — во времена старого Макса Гриба,— когда два гуся тоже были оба приговорены к вышке за разные дела,— и тогда один кретин из Тюремного Совета, как это тогда называлось, все перепутал и сказал тому, кто не был помилован, что он помилован. Парень был в восторге несколько часов, а потом они вернулись к нему и говорят: «Извините, произошла ошибка, и вас вздернут-таки».

Б. А тот, которого помиловали, держу пари, был доволен?

Данлейн. Конечно, он был доволен. И если кто-нибудь станет утверждать, что веревка лучше пожизненного, пусть держит это при себе. Знаете, кто хуже всего чувствует себя, выходя к петле?

А. Северяне. Или ребята из Корка. У них там чертовски крепкие шеи.

Данлейн. Ну, мне надо подготовить свои полчаса сатиры и юмора для дядюшки Хили, мне не до шуток.

А. Да ладно тебе, продолжай.

Данлейн. Хуже всего отключается, входя в красный домик с обитой серебром дверцей, тот, кто сидел уже раньше и при нем вешали какого-нибудь деателя, или он слышал об этом в мастерской или на прогулке от мусора или старых сидельцев. А новичок — это обычно такой приличный малый, и за ним ничего, кроме убийства, вроде как наш Серебряный Набалдашник. И он ничего не знает про это дело, кроме нескольких строчек, время от времени встречающихся в газетах: «Осужденный вошел в камеру для повешения в 7 часов 59 минут. В 8 часов 3 минуты врач констатировал смерть».

Б. Да параша все это. Во-первых, врач отворачивается, когда люк уходит из-под ног, и поворачивается назад только тогда, когда мусор схватит веревку и остановит вращение. Потом они запирают лавочку, уходят завтракать и возвращаются только через час. Тогда они вынимают его из петли, и врач вспарывает ему шею на затылке, чтобы проверить, сломаны ли позвонки. Кто знает, что происходит в течение того часа, пока он там извивается в яме...

А. Это ты точно. Когда я сидел в Англии, со мной сидел один мусор: он спер медицинские отчеты о повешениях и продавал их в воскресные газеты; так он рассказывал мне, что один гусь жил семнадцать минут в петле.

Данлейн. Не верю. Семнадцать минут — неужто можно столько болтаться на этой веревке!

А. Это был их собственный медицинский отчет!

Б. С кем спорю, этот Набалдашник в полной отключке, что ему завтра не по пути с Мясником.

Данлейн. Ты спой это, если знаешь мотив.

А. Сейчас он появится здесь, в своем новом костюмчике.

Данлейн. Он и это сокровище. Конечно, скверно, что он раскрыл бабе черепушку, но, по мне, лучше иметь рядом его, а не это фуфло. Скотина грязная. Надо же, такая непраха, а я надеялся раздобыть сегодня у дядюшки Хили письмецо в Общество Домовладельцев, к освобождению.

Б. Ты, что Данлейн, воображаешь, что Департамент намерен заняться твоей перековкой, на старости-то лет?

Данлейн. А это не касается Департамента. Милейший Хили помимо своей службы в офисе замазан с какой-нибудь там религиозной группкой, которая делает доброе тайком. Никогда не дают правой руке знать, что

творит левая, как сказал Человек. Ну, конечно, они никогда не опускают ни ту, ни другую в свой карман, так что денег ты от них не дождешься, но они могут дать письмецо в Общество бывших зэков или в Общество Домовладельцев. Заметьте, сегодня-то Хили прибудет как официальное лицо. Он просто устраивает получше делишки того, кого завтра повесят. Но если смогу к нему подобраться, он, может, смешает приятное с полезным, и я отхвачу ксиву к своему выходу.

Б. Теперь понятно, к чему вся эта генеральная уборка.

Данлейн. И парень с кухни сказал, что сделают специальный обед — в честь визита дядюшки Хили.

А. То есть что сегодня будем есть пищу?

Данлейн. Точно, и я не могу весь день гуры-гуры с вами. Нужно развесить всякие религиозные картинки и придумать пару клевых шуток. О Господи, я должен заниматься тем же, за что Джимми О'Дэй получает на радио тысячи, и все это ради пары старых носков и письма в Помощь Заключенным! (*Возвращается в свою камеру.*)

Появляются двое малолеток — обоим лет по семнадцать, — они держат под мышками швабры и напевают негромко и в унисон:

Мы свое отсидели
От звонка до звонка,
Остается неделя,
И мы скажем: «Пока».

А. Что вы поделываете здесь, молодые люди, нынче утром?

1-й малолетка. Да наш мусор приказал подмести корпус Несовершеннолетних и потом еще слегка прибрать здесь.

Б. А у себя вы уже кончили?

2-й малолетка. Не-а, и если б мы сначала взялись за свой, мы бы проморгали чувих: они тут белье развешивают; из нашего-то корпуса их не видно.

А. Может, оно и к лучшему. Вы уже и так достаточно испорченны.

1-й малолетка. Ну, могу сказать вам, какое зрелище открывается из нашего корпуса нынче утром. Это — столяр, который приволок для жмурика свой ящик и оставил его в морге, чтоб был под рукой. В службе, кроме нас, еще два малолетки, и мы бросали орла, кому отправляться сюда, но они — деревенщина и сказали, что лучше посмотрят гроб. По мне, лучше какую ни на есть чувиху мацать, чем самый клевый во всей Ирландии гроб. Точно, Шейбо?

2-й малолетка. Законно, и, кроме того, когда ты здесь, всегда есть шанс потолковать с опытными людьми за наш бизнес. Вы как считаете, сэр, что лучше для йейльских замков: целлулоид или триплекс?

1-й малолетка. А отмычка у вас всегда с собой, сэр?

А. Была бы с собой, я знаешь куда б ее сунул — в твою грязную...

2-й малолетка. Атас, керя, подметай, а то мусор идет.

Оба удаляются, подметая и напевая.

Б. А, он ведет уже первого. Это кто, Серебряный Набалдашник или?..

А. Набалдашник. Я видал, как его волокли из конторы в тот вечер, когда его приговорили к вышке.

Б. Ну, сейчас-то он как на рессорах катит.

А. Вид все-таки не блестящий. Видать, не совсем еще очухался.

Надзиратель и заключенный входят слева. Заключенный — человек средних лет, выговор интеллигентный. В руках — наволочка с постельным бельем и другими вещами.

Надзиратель Риган. Стой у двери с твоим именем. После медосмотра ребята помогут тебе устроиться. Стой тут, пока доктор не вызовет. Понял? (*Уходит.*)

Пауза. Арестанты рассматривают новенького.

Б. Он чертовски украсит это местечко, не правда ли?

Бессрочник. Закурить не найдется?

А. Хорошо! Ты теперь не в камере смертников, понял? Здесь не подымишь.

Б. Если, конечно, не перепадут охнарики от подследственных.

А. В общем, разувая глазки во время прогулки — может, что и найдешь после подследственных; им-то разрешено. Хотя после тебя мы, ей-богу, ничего не находили. Куда ты свои окурки девал?

Бессрочник. Я? Сжигал.

Б. Что-о-о?

А. Как же получается, что другой, этот несчастный ублюдок, которого не помиловали и завтра утром вздернут, как же получается, что он оставлял целый след окурков, когда мы шли на прогулку, а ты — нет?

Бессрочник. Я никогда прежде не бывал в тюрьме. Откуда ж я знал?

А. Ты проклятый Богом, друг мой, лжец, и ты знал. Потому что ребята из больничной обслуги, которые носят жратву смертникам, шепнули ему об этом. Но он ни разу не дал им даже спички! И он не мог даже оставить свои охнари в утюге, чтоб мы их подобрали.

Б. И теперь ты, поди, доволен, что не попрешься утром в железные ворота.

Бессрочник не отвечает и осматривает свою одежду.

А. И уж во всяком случае, в этом тряпье тебе будет лучше, чем тому хмырю в деревянном бушлате, завтра утром.

Б. Самое худшее, что тебя ждет, — двадцать лет. Но скорей всего выскочишь по половинке. Последний парень, который имел эту статью, отсидел только одиннадцать.

Бессрочник. Одиннадцать! Как же прожить столько?!

А. Ну, минута час бережет.

Б. У тебя не найдется закурить ему, а?

А. качает головой.

Может, у Данлейна есть. Эй, Данлейн, не дашь закурить этому парню? Эй, Данлейн!

Данлейн (*выходя из своей камеры*). А в чем дело? Кто опять, бог вашу мать, на мою голову?

Б. Можешь сообразить этому типу насчет курева? Хотя бы бычок.

Данлейн. Здесь только один сорт сигарет — «Три монаха»: сегодня к монаху, завтра к монаху и послезавтра — тоже. (*Идет назад в камеру.*)

Б. Эх, Данлейн, добавят тебе на том свете уголька за это.

Данлейн. Да? Почему?

Б. Да ведь этот бедный гусь, после того как он курил по шестьдесят штук ежедневно....

Данлейн. Где же это?

Б. В камере смертников — где ж еще!

Данлейн. А-а, тогда дело другое. Я-то думал, что ты... а ты только убийца. Ну, Бог — в помощь. (*Жмет руку.*) Конечно, найдется, о чем речь. (*Шарит в пиджаке, потом расстегивает броюки и, озираясь, извлекает окурки.*) Конечно, найдется, держи. Итак, помилован на рассвете. Мертвые вставали и являлись многим, как сказал Человек. А я-то принял тебя за того подонка, ты же стоишь перед чужой дверью. Вот твое гнездышко, понял? На этой вывеске твое имя и все подробности. Так, сорок три года. Исповедание — римско-католическое.

Бессрочник (*читает*). Пожизненно.

Данлейн. Ну, это лучше, чем смерть семь дней в неделю.

Б. Это уж точно. Хозяин растолкует тебе все это попозже.

Данлейн. А может, они пришлют на этот предмет милейшего Хили.

Б. Вали в камеру и можешь там пока покурить. Прихвати шмотки. (*Передает наволочку с вещами внутрь.*) Попали себе там, пока мусора нет. (*Бессрочник закрывает дверь.*) А мы на атасе.

Данлейн. Господь свидетель — мне с соседями повезло. Все же предпочитаю нормального убийцу, чем подонков вроде этого фрайера. Ладно, я возвращаюсь в свое гнездышко, надо все довести до кондиции, чтоб было по вкусу дражайшему Хили, когда он явится. *(Возвращается в камеру.)*

Б. *(в камеру Бессрочника).* Атас, кончай, мусор идет.

А. И волокет второго.

Надзиратель Риган и новый заключенный — Новенький, мужчина с беспокойным выражением лица, одетый в тюремное, в руках наволочка с вещами, — входят слева.

Риган. Ну-с, вот твоя клумбочка. Положи вещички, стой у двери и жди доктора. Эти ребята покажут, куда идти, когда вызовут.

Новенький. Понял, сэр, слушаюсь, сэр.

Риган уходит. Новенький осматривается.

Б. Гм, этот тип *(показывает на дверь Бессрочника)* все-таки курит... Может, хочешь присоединиться, пока мусор вернется?

Новенький *(видит табличку на двери Бессрочника).* Боже правый, вот до чего я докатился — вместе с убийцами! Нет, благодарю покорно, хотя закурить бы не мешало. Боже, мне придется провести долгие месяцы — даже если подпаду под досрочное — с убийцами, ворами и бог знает с кем! Вы ведь не все убийцы? Вот вы — вы здесь никого не убивали, не правда ли?

Б. Нет, пока нет.

Новенький. Не могу представить худшего преступления, чем отнять жизнь, вы согласны?

Б. Это смотря чью жизнь?

Новенький. Ну конечно! Если убийца решает покончить с собой, это одно... «Мы отправим его вдаль, говорит Карлейль, — вы, конечно, слышали о Карлейле, не правда ли? — мы пошлем его далеко, назад в пустоту, во мрак, дальше, чем звезды. Пусть он уходит от нас».

Данлейн *(голова из двери).* Ох! *(Смотрит на Новенького.)* А я думал, это Хили из Департамента или кто-нибудь из них.

А. Полюбуйся, от этого фраера просто несет интеллигентностью.

Данлейн. А-а, теперь это так называется?

Бессрочник. Спасибо за сигарету, мистер Данлейн.

Данлейн. Да не за что, пожалуйста. Заходи, когда пойдешь мимо. И помни, когда ты укокошишь следующую жену и тебе будут давать по сорок штук в камере смертников, не забывай тех, кому не так повезло, и оставляй охнари во время прогулки там, во дворе. Понял? Ох, опять эти трещотки сопливые сюда прутся.

Слева появляются двое малолеток — швабры под мышкой, они напевают; Новенький стоит неподвижно у двери.

Малолетки. Нам осталась неделя.

И мы скажем: «Пока».

Мы свое отсидели

От звонка до звонка.

Нам осталась неделя,

И мы скажем: «Пока»...

Бессрочник. Бога ради, прекрати этот мышинный писк!

1-й малолетка. Мы имеем такое же право разевать пасть, как и ты, а ты, к тому же, здесь и дня не пробыл.

Б. Оставь их в покое. Ты не у себя дома, ясно? И они не делают ничего плохого. *(К малолеткам.)* Вы что, хотите соскрести этот пол начисто?

Данлейн. Да, что вас приносит сюда так часто? Раз уже вы болтались на последственном, могли бы принести окурков или газету.

1-й малолетка. Мы получаем куриво и «Мейл» от одного англичанина на этаже, с последственного. Есть тут такой, за автомобильную контр-ранду. Но сегодня у вас можно позырить на чувих из прачечной. Они

развешивают тряпочки у себя во дворе. Вы-то хоть смотрите? Хотя старикам-то чего смотреть!

Б. Мне тридцать шесть, сынок.

1-й малолетка. А, я так и думал. Тебе, значит, еще не все равно, если без бабы. Вот, например, Шейбо, так он, например, ни о чем другом вообще не думает. Ты думаешь о чем-нибудь, кроме баб, Шейбо.

2-й малолетка. Да. О кражах и все такое. Вали к окну и держи там глаз, а я буду подметать, пока не позовешь.

1-й малолетка. О'кей, Шейбо, сейчас они подвалят. *(Подходит к окну.)*

Бессрочник. Я забыл и думать о женщинах.

Данлейн. А я — нет. Это входит в программу развлечений сегодня: бабы, и растирание ног спиртом. Соседу и мне нынче полагается.

1-й малолетка *(из окна громким шепотом).* Шейбо, уже видно.

2-й малолетка. Та блондинка из Северного Крумлина?

1-й малолетка. Ага, и тут еще одна, но ее я не знаю...

2-й малолетка. Верно, не городская. Он ее и не знает. Женщины.

Данлейн. Женщины.

А. А блондинка вроде машет.

1-й малолетка. Чувиха эта, чтоб ты знал, моя, и машет она мне.

А. Ну, на это я махал ушами.

Данлейн. Эй, Сосед, Сосед! Где ты попадаешь все утро? Сосед!

Скрипучий старческий голос: «Здесь я, сосед, здесь я».

Сосед, сгорбленный старик с палочкой, появляется слева, ковыляя так быстро, как только может.

Данлейн. Э-эх, всю мессу пропустил.

Сосед. А что, они уже смылись?

Данлейн. Нет, но они уже кончили верхний ряд, теперь вставать на стулья и тянуться не будут.

Сосед. Ну, будем благодарны Господу и за мелкие милости. Все равно они будут здесь через неделю.

А. Если ты доживешь до этого.

Сосед. А почему это мне не дожить? Да и вообще: я знал таких шикарных женщин, что эти против них...

А. С таким паскудным кашлем, как у тебя, они вполне могут оказаться последними.

Сосед. О Господи, ты старый замшелый пердун, мы помним таких женщин, какие вам и не снились, правда, Данлейн? Минна ля Блюм, помнишь ее?

Данлейн. Еще бы. Не одному морячку Минна и я заделали козу. И Микки Финн тоже.

Сосед. А бедную Мэй Облонг?

Данлейн. Эх, и где теперь бедная Мэй? Бог да призрит на нее, не мы ли с ней были однажды ночью в номерах, и там был еще один член Парламента, и Мэй заперла его в задней комнате и стянула его портки, а ему надо было идти в то утро голосовать за Самоуправление. «Если ты любишь нашу Родину,— взывал он из-под двери,— верни портки!» — «Я сделаю это,— отвечает Мэй.— Но не раньше чем сунешь под дверь пятерку».

Сосед. Он что — спрягал башли? У, грязная, подозрительная сука.

Данлейн. Это точно. Хитер оказался — притырил башли, хоть и был в ту ночь зверски пьян. Мы нашли в его портках только медальон с прядью того патриота-водопроводчика, что поклялся не стричься, пока Ирландия не будет свободной.

Сосед. Ах, бедняжка Мэй — она была душой общества.

Данлейн. И потом ее зацапали на улице — за то, что болталась после комендантского часа, беспокойные были времена,— и все бы обошлось, но они нашли под юбкой два автомата Томпсона образца 1921 года, три гранаты Миллса и плиточку динамита и дали срок.

Сосед. А разве можно забыть бедную Лотти Лестранж — как ее зацапали за то, что спихнула в воду солдата в Спенсерских Доках!

Данлейн. Да пребудет Господь с нашей молодостью!

Сосед. А Анна Корк и леди Лимерик!

Данлейн. А Джулия Райс и Глупышка!

Сосед (*воодушевившись, направляется к окну*). Эй ты, отскочи отсюда! Данлейн, иди сюда — поглядим на блондинку, пока они не ушли.

1-й малолетка. Пошел вон, ты, старый кобель! Так говорить о моей чувихе! (*Отталкивает его.*) Ты, старая куча дерьма, лезть к честной девушке!

А. Эй, вы, сопляки, вы что, будь я проклят, решили, что это ваше собственное место?

1-й малолетка. А тебе понравилось бы, если б старый ящик с глазами пялился на твою бабу?

Б. Он же не сожрет ее.

Данлейн (*сзади*). Да, но хотел бы!

2-й малолетка. Правильно! И он (*показывает на 1-го малолетку*) уже почти женился на ней. Она-то не против. Она однажды ради него приняла легавого. И он теперь ей каждую неделю гонит монету.

1-й малолетка. Да, а этот тут пялит на нее свои старые красные глазки!

Новенький (*у своей двери*). Боже милостивый.

А. Но, будь я проклят, это не ваше окно! (*Отшвыривает 1-го малолетку от окна и дает пройти Соседу.*) Ну давай, если тебе так уж позарез видеть парад граций.

Сосед. О, спасибо, кореш! Такую кровь надо разливать бутылками.

А. Я это не ради тебя, но если этим щенкам все спускать, они просто на голову сядут.

2-й малолетка (*1-му*). Але, пора отваливать. Мусор решит, что мы пропали.

Они отходят от стены, берут швабры и начинают подметать напевая.

1-й малолетка. Нам осталась неделя.

И мы скажем: «Пока».

2-й малолетка. Мы свое отсидели...

Бессрочник. Да заткните вы свои плевательницы!

Данлейн. Сам заткнись, ты шумишь больше, чем любой из них.

1-й малолетка. Не приказывай нам заткнуться, ты, ублюдок!

Б. Оставьте его в покое — он начал сегодня пожизненное.

1-й малолетка. О, простите, мистер, мы же не знали. Правда, Шейбо?

2-й малолетка. Господи, конечно. Ступайте и посмотрите на женский двор, если хотите. Они там развешивают сейчас шмотки. И его чувиха тоже там. Вы можете взглянуть на нее. Он не будет возражать, ей-богу. Ты ведь не против, а?

1-й малолетка. Конечно, нет. Особенно если послезавтра покатит на всю жизнь в Бог ¹, где не увидишь женщин.

2-й малолетка. Ребенка.

1-й малолетка. Собаку.

А. А ну катитесь отсюда к чертовой матери в свой корпус! Надо же додуматься — говорить это человеку, который и сам знает!

2-й малолетка. Ладно, ладно, мы пошли. Мы пришли сюда не ради кучи грязных стариков, а ради девочек, и мы видели все, что хотели.

1-й малолетка. И во всяком случае, мы будем гораздо ближе к ним в следующую субботу вечером, чем вы. Вспомните нас, когда будете сидеть, запертые в своих клетках, штудирюя Библию, глава I, стих 2-й, а мы неподалеку фалуем бабцов.

Пританцовывая, они удаляются, держа швабры как партнерш и напевая самбу.

А. Такие сосунки, язык без костей. Перед войной, когда я был малолеткой, в Уолтоне, ежели бы они там подняли такой хай, их бы живо утихомирили.

¹ Бог — название каторжной тюрьмы в Северной Ирландии, на болотах. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

Новенький. И так непочтительно говорят о Библии!

Сосед. И главное, зря. Не одного парня Библия утешала в камере. Чудесная тонкая бумага, немножко трухи из тюфяка и, если у тебя есть спичка, или трут, или что-нибудь в этом роде, выходит отличное курево, какое я только пробовал. Правда, Данлейн?

Данлейн. Точно, Сосед. В первые двенадцать месяцев, которые я тянул, я таким способом наполовину скурил книгу Бытия и девять сантиметров своего матраца. Когда настало Свободное государство¹, мы даже опасались за свою жизнь в том смысле, что они заменят наши матрацы пуховиками. А пух и перья курить невозможно, ей-богу, нельзя — даже если ты завернешь их в Песню царя Соломона. Но, слава Богу, Свободное государство только одно заменило — кокарды у мусоров.

Новенький. Можно мне пока в свою камеру?

Б. Пока доктор не вызовет. (*Уходит к себе.*)

А. Ну, я, пожалуй, тоже пойду отдохну. Каторжная это работа — тянуть срок.

Бессрочник. Тянуть? Что это значит — тянуть? Быть на каторге?

Данлейн. От трех лет и выше.

Бессрочник. Три года — это огромное время.

Данлейн. Ну, я не хотел бы и сотую часть болтаться в петле.

Сосед. Так этот парень...

Данлейн (*тихонько*). Серебряный Набалдашник! (*Громко.*) Начал сегодня пожизненное.

Сосед. Так, значит, в конце концов они тебя не вздернут. Ну, ты счастливец. Однажды я работал в госпитале, помогал там одному мусору, и он дал мне две бутылки портера, чтоб я снял балахон с казенного. Второй раз я не соглашусь даже за бутылку виски. Я стянул балахон, и башка его болталась из стороны в сторону, и вся морда почернела, но хуже всего были глаза — огромные, как у кролика. Это все страх.

Бессрочник. Откуда вы знаете? Может, он и не чувствовал ничего.

Сосед. Я говорю что видел. У меня не было случая его спросить. (*Подходит к двери Бессрочника, читает.*) Срок истечения: пожизненно. В каком-то смысле я и сам не возражал бы против этого. Что скажешь, Данлейн?

Данлейн. Не знаю. Конечно, мы уже слишком стары, чтобы шататься где-то и подыскивать себе место. Так что, когда ты однажды зимней ночью свалишься прямо на мостовой и заснешь, тебе еще придется, будто ты тихо и уютно лежишь в Шелборне.

Сосед. Только чтоб проснуться в каком-нибудь параднике, и под тобой жесткий пол, и куча засохшей грязи вместо подушки. И тебя колотит от холода и от жажды, и ты мечтаешь только о рыночном кабаке, чтоб он был открыт, и, если у тебя хватит заплатить за выпивку, сможешь чуть-чуть посидеть в тепле. За исключением, конечно, — Господи, помилуй! — воскресенья.

Данлейн. Да, это — агония. Все кабаки закрыты, и колокол бьет по твоим оголенным нервам, и все, что ты можешь сделать при этом холоде и твоих болезнях, — это перевернуться на другой бок и молить Бога, чтобы он прибрал тебя поскорее.

Бессрочник. Нет, будь я на воле, все было бы иначе.

Сосед. Да, но у нас-то так.

Данлейн. Видите, сэр, все мы — эгоисты.

Голос надзирателя. Врачебный осмотр! Кому на обследование, к доктору!

Бессрочник озирается.

Данлейн. Да, это вам. Поднимитесь по лестнице и ждите, пока мусор не вызовет. Сосед, крикни остальных.

Бессрочник уходит.

Сосед. Але, кто к ветеринару! Выходи!

¹ Ирландское свободное государство — название Ирландии 1922—1937 гг.

Данлейн (*обращаясь к Новенькому*). Эй ты! Давай дуй на кастрацию.

Новенький, А. и Б. выходят из камер.

Сосед. Вам к доктору. Поднимитесь туда вместе с остальными. Мы с Данлейном остаемся — нам назначен массаж.

Данлейн. Не трепись ты с этим фраером. Знаешь, за что он тут?

Сосед идет и смотрит табличку. Новенький, А. и Б. уходят.

Сосед. Что он, черт возьми, натворил?

Данлейн. Вонючий секс-механик.

Сосед. А я и не знал.

Данлейн. Ну, теперь знаешь. Пойду принесу стул. Можешь не ходить за своим: посидишь после меня на моем.

Сосед. Ладно, но если ты идешь первым и будет шанс бутылочку заграбастать, не высасывай все, ладно? Помни, что я тоже лечусь.

Данлейн. Да не будь ты таким завистливым. Он же принесет целую кварту, а кто способен выдуть столько метилового спирта, если можешь делать только маленькие глотки?

Сосед. Ты способен, и даже целое ведро, был бы только случай. Я же видел. Тебе что это, что медный купорос — все одно, как слону дробина.

Данлейн. А помнишь старикашку доктора, что был тут у них несколько лет назад?

Сосед. Это которого Криппеном звали?

Данлейн. Он самый. Как-то утром приволакивают меня сюда после большой пьянки. А в полдень — а я все еще косой, как Понтий Пилат — Криппен меня осматривает. Открой рот и скажи «а», ну и так далее. А потом спрашивает: «Болели венерическими болезнями?» А я ему: «Не судите по себе, сэр». Да-а, хороший был человек.

Возвращаются А. и Б.

Сосед. Ну, что он вам прописал?

Б. (*входя в камеру*). Прибавил шесть унций хлеба. Находит, что мы истощены.

А. Бар уже открыт?

Сосед. Да иди ты с баром! Эти жуткие боли в ноге, только втирания и спасают. Этот проклятый ревматизм мучает меня еще с войны, а ты дорываешься.

А. Какой войны? Экономической?

Сосед. Ты, трепло. А все ты, Данлейн, раззвонил этим фраерам насчет лишней порции выпивки. Чтоб все за наши дела знали.

А. и Б. входят в свои камеры и закрывают двери.

Данлейн. Никаких признаков господина Хили.

Сосед. Ты только попусту тратишь время, дожидаясь этого типа. Я однажды просил его насчет какого-нибудь старого пальто для себя, так он ответил, что он здесь представляет только правосудие и никакими другими делами — плохими, добрыми, никакими — не занимается. По моему, этот Хили большую часть жизни ходит под мухой.

Данлейн. Да уж такой, как Хили, выпьет. Эти начальнички умеют устраиваться. Они, знаешь ли, даже пьют не под собственным именем. Ты можешь застать субчиков вроде Хили в одиннадцать утра в задних комнатах по Мэрион-роу, потчующих себя глоточками ликера. Бармен живо бы вылетел с работы, позволь он себе назвать их по имени. Все это выглядит примерно так: «Мистер Х. просит капельку воды, но не слишком крепкой». — «Да, мистер О.?» — «Нет, сэр, мистер Мак сегодня не приходил». — «Да, мистер Д., прелестное утро. Славный будет денек, если только не выпадет снега». Интеллигентные люди, понимаешь? Время от времени несколько слов о Боге, и таким тоном, словно Он только что прибыл из провинции, а они как бы оказывают Ему протекцию, отзываясь о Нем положительно.

Сосед. Еще двое вернулись. Скоро, значит, и нам.

Бессрочник и Новенький входят в камеры и закрывают за собой двери.

Данлейн. У этого новенького такой вид, точно это местечко не слишком ему подходит.

Сосед. Ты же сказал только что, чтоб я вообще с ним не разговаривал.

Данлейн. А, какое все это в конце концов имеет значение! Хорошо еще, что он не мусор или какой-нибудь там из Департамента. Он просто чей-то зад, и все.

Входит надзиратель Р и г а н с бутылкой метилового спирта.

Риган. Вы — те двое, которым назначен массаж, ревматики?

Данлейн. Так точно, мистер Риган, сэр, старые и немощные, сэр, да, это мы. Старые раны, они все время дают себя знать, сэр.

Риган. Перестань трепаться. Ну, кто из вас первый, садись.

Данлейн. Я, сэр, я. Старость прежде невежества, как сказал Человек. *(Садится на стул.)*

Риган. Задери штанину. Которую ногу?

Данлейн. Левую, сэр.

Риган. Но ты же суешь мне правую.

Данлейн. Я и говорю, сэр,— левая, один день хуже левой, а на другой — правой. Чтоб никого не обделить, нужно натирать обе. Еще надо благодарить Господа, что я не сороконожка — при такой-то погоде.

Риган. Здесь больно?

Данлейн *(медленно пододвигаясь к бутылке).* Немножко ниже, сэр, если можно. *(Хватает бутылку и подносит к губам.)* Чуть-чуть ниже, сэр, если вас не затруднит.

Риган, сильно наклонясь, массирует ногу, а Данлейн огромными глотками отпивает из бутылки и быстро ставит ее на пол, а потом, развлекая Соседа, делает ужасные гримасы, дескать, не сразу пошло и что внутри все горит,— это целая пантомима. Потом тыльной стороной ладони утирает губы.

О, это потрясающе, сэр. У вас руки целителя, сэр! Вам, должно быть, отчаянно везет с лошадьми. О, сэр, этими руками только помилования подписывать.

Риган выпрямляется, наливает на ладонь немного спирта и снова массирует.

О, сэр, это то что надо, я чувствую, как это входит в меня. *(Снова хватается бутылку, пьет.)* О, сэр, это то самое, оно так и входит в меня, настоящее блаженство, сэр.

Риган снова выплескивает спирт на ладонь и продолжает массаж.

Да, сэр, это в самый раз, это то что нужно. Если уж делать что-нибудь, то делать хорошо. *(Берет снова бутылку и поднимает ее.)*

Сосед озирается, во взгляде его немая мольба не пить так много.

(Покачивает бутылкой, делая этаким приветственный жест, словно он желает Соседу здоровья, и пьет.) Господь да вознаградит вас, сэр. О, вы, должно быть, седьмой сын седьмого сына! Или вы из рода лимерикских Ли по материнской линии. *(Снова пьет.)* Да, да, это единственное средство от простуды и вообще от всемирной несправедливости.

Риган. Так, теперь ты.

Сосед выходит вперед.

Донелли *(за сценой).* Все в полном порядке, мистер Хили.

Данлейн. Святой Хили!

Входит Д о н е л л и.

Донелли. Сюда, мистер Хили.

Риган. Смирно! Стоять у дверей!

Данлейн. Особенно у левой.

Донелли. Сюда, сэр.

Входит мистер Х и л и, элегантно одетый господин.

Хили. Доброе утро.

Донелли. Жалобы есть?

А. Никак нет, сэр.

Хили. Доброе утро.

Донелли. Жалобы есть?

Новенький и Б. *(вместе)*. Нет, сэр.

Хили. Доброе утро, друзья. Ну-с, я тут представляю Департамент юстиции. Так что, если у кого есть жалобы — выкладывайте.

Несколько заключенных. Нет, жалоб нет, сэр.

Риган. Все в порядке, сэр. Двое получают медицинскую помощь.

Данлейн. Массируют наши старые ноги, мистер Хили, сэр.

Хили. Отлично, отлично, пахнет, прямо как в баре.

Данлейн. Я почти пьян от одного запаха, сэр.

Хили. Ну, не буду вам мешать.

Данлейн. Ох эти проклятые ноги. Все оттого, что болтаешься по улицам в любую погоду. Впрочем, пока мы здесь, на это не пожалуешься.

Хили. Да уж, надо думать, мой друг. Ладно, я обследую вашу камеру наряду с другими.

Данлейн. Благодарю вас, сэр.

Хили. Ваша камера всегда делает вам честь, надо отдать должное. *(Обращаясь к Ригану.)* Эти старики, знаете ли, неисправимы, но в общем забавны.

Риган. Да, сэр.

Хили. Ваша фамилия — Риган, не так ли?

Риган. Да, сэр.

Хили. Насколько я понял, вы будете помогать канонику завтра утром?

Риган. Да, я буду с приговоренным, сэр. Надо присмотреть, чтобы он не натворил с собой чего-нибудь ночью и чтобы утром нырнул в дыру с как следует свернутой шеей. И не производя слишком большого шума.

Хили. Печальная обязанность.

Риган. Сворачивание шеи и удушение, сэр?

Хили бросает на него острый взгляд.

Вы должны извинить меня, сэр. Я видел слишком много этого. Говорят, близость порождает отвращение.

Хили. Что ж, зато у нас есть одно утешение, Риган: приговоренный получает священника и причастие, чего, возможно, не имела его жертва. Я рискнул бы сказать, что некоторые из них умирают более пристойным образом, чем это было бы в случае их естественного конца.

Риган. Жалко, нельзя прибить вывеску: «Соверши убийство и умрешь праведником». На это бы все клюнули. В этой стране очень серьезно относятся к религии.

Хили. Ладно, ладно, хорошо. Насколько я понимаю, Риган, помилованный уже где-то здесь.

Риган. Камера номер двадцать шесть, сэр.

Данлейн. Как раз рядом со мной, сэр.

Хили. А, да. Так вот мы где. Счастливцев, а? Ладно. Начальник тюрьмы попозже объяснит вам детали. Ваше дело будет пересматриваться каждые пять лет. А пока вам, может, захочется украсить свою камеру одним-двумя образками. Господь сохранил вам жизнь, и вы должны благодарить его теперь каждым своим вздохом. Не правда ли? Ну, будьте милосердны в сердце своем. Я еще загляну к вам, если останется время. *(Входит в камеру Данлейна.)* Гм, весьма похвально.

Данлейн. Говоря откровенно, сэр, это только сегодня. Видите ли, мы знали о вашем визите.

Хили. Очень мило.

Данлейн. Стараюсь как могу сделать свое гнездышко поуютней, и Блаженный Мартин, которого вы подарили, очень помогает.

Хили. Стало быть, ты не признаешь цветного барьера.

Данлейн. Единственный барьер, который я признаю, сэр, это стойка в Бридж-баре или в заведении на углу Томас-стрит.

Хили. Ну, мне пора. Приятно видеть, что за вами тут хороший уход.

Данлейн. Знаете, сэр, это, собственно, не так уж срочно, но не могли б вы уделить мне одну минутку?

Хили. Ладно, но давай побыстрее. У меня сегодня еще масса дел.

Данлейн. Понимаю, сэр. Видите ли, сэр, я не намерен находиться тут вечно. Хотя тут массаж и приносят пищу. Но, как сказано в Библии, сэр, создай сам или обходись без и подумай о черном дне, ибо не знаешь, в какую ночь будешь спать в подворотне.

Хили. Понятно, понятно, так чего же ты хочешь?

Данлейн. Я насчет шансов получить комнатенку где-нибудь у Букингемского моста, сэр, если б вы только могли дать мне письмоцо в Общество Домовладельцев, когда я выйду, чтоб немножко помочь с арендой.

Хили. Вы же все знаете, когда я посещаю тюрьму, то как официальный представитель юстиции, а не как член какой-нибудь организации, в которой, может, и состою.

Данлейн. Понимаю, сэр, но где ж еще мне вас встретить? Вряд ли я поймаю вас в Бридж-баре, когда буду на свободе, ведь правда, сэр?

Хили. Нет, конечно нет. Но ведь ты знаешь помещение Общества на площади. Найдешь меня там в любую пятницу с восьми до девяти вечера.

Данлейн. Благодарю вас, сэр. И да постелят вам на небесах.

Хили. И тебе также. *(Направляется в следующую камеру.)*

Данлейн. И всем остальным, и надеюсь, все мы увидимся снова через год здесь же! *(Злобно вслед Хили.)* Чтоб тебя доконало.

Надзиратель Донелли стучит в камеру Бессрочника, потом заглядывает в глазок.

Донелли. Боже правый! Он повесился на простыне! Скорей сюда!

Риган и Донелли вбегают в камеру Бессрочника. Он висит. Они вынимают его из петли.

Риган. Осторожней.

Надзиратели выносят Бессрочника, кладут в коридоре и пытаются привести в чувство.

Хили. Кошмарная история, и еще этот, которого завтра казнят.

Заключенные скапливаются около.

Донелли. Марш по камерам! Убирайтесь!

Хили. Он еще жив?

Риган. Все будет в порядке — через час или два. Сходите за врачом, мистер Донелли.

Звонит треугольник.

Донелли. Корпуса Б-2, Б-3 и Б-1. По камерам. Живо, живо! Расходись! Живо. Нашли развлечение. Марш по камерам. Живо!

Риган и Хили отходят от лежащего без сознания Бессрочника.

Хили. Беда, беда. Каноник будет очень расстроен.

Риган. Слава Богу, ничего страшного. Им не придется заполнять лишнее свидетельство о смерти.

Хили. Не слишком это... почтенная, что ли, точка зрения, Риган.

Риган. Большинство людей и вовсе не считает нашу работу почтенной.

Хили. Нашу?

Риган. Да, сэр, нашу. Мою, священника, палача и, если вы не возражаете, вашу, сэр.

Хили. Общество не может существовать без тюрем, Риган. Мои обязанности состоят в оказании посильной помощи этим несчастным. Но человек с вашими взглядами — я не понимаю, почему вы избрали этот род деятельности?

Риган. Это спокойная работа, сэр. Между казнями.

Слышен треугольник. Входит врач с двумя санитарями.

Занавес.

АКТ ВТОРОЙ

Прогулочный двор. Приятный вечер.

Голос арестанта за сценой. Здесь холод-голод, а я так молод,
И мышь скребется, и долог срок,
Тюрьма ночами
Гремит ключами,
И дом родимый далек, далек.

Донелли. Корпуса Б-1, Б-2 и Б-3 — на прогулку, живо! Б-1, марш! Все до одного — на прогулку!

Гуськом выходят заключенные, впереди надзиратель Донелли.

Голос арестанта за сценой. Был чудный вечер, и веял ветер,
Кружились чайки, а зэк скучал
О малютке Салли,
И ключи бренчали,
И канал Английский вдали журчал.

Заключенные разбредаются по двору; большинство время от времени поглядывают на недорытую могилу.

Он лежал в печали,
И ключи бренчали,
И канал Английский вдали журчал.

Донелли. Это еще что за баритон? А ну заткнись! Забыли, где находитесь?

Сосед. Это не мы, сэр, это какой-то в подвале, сэр, в одиночке.

Донелли. Вот посажу эту птичку на хлеб и воду, посмотрим, что запоет. Здесь не филармония, понял!

Пение продолжается.

Эй ты, а ну заткнись! Заткнись, или ты взвоешь у меня! Забыл, где находишься?

Пение прекращается.

Можете сесть, кто хочет. (*Садится.*)

Сосед (*кивая в сторону могилы*). До утра им придется вырыть еще пару футов.

Б. Им! Нам, а не им. После чая четверо еще получают по лопате на сладкое.

Сосед. Уж ты-то небось постарайся, превратишь глину в перину. (*Сплевывает и отходит прочь.*)

Б. По крайней мере, пару сигарет заработаем.

Заключенные бродят.

Сосед. Ну, ты как, сосед?

Данлейн. Помираю.

Сосед. Ну что ж, значит, жадность погубила фраера. Ты ж оставил мне только глоток.

Данлейн. Значит, я спас тебе жизнь: спирт был ужасный.

Б. А что сказал Риган, когда нашел тебя на полу в камере?

Сосед. Сначала он хотел вломить нам — за то, что мы погуляли на его счет, — но Данлейн объяснил, что мы были малость не в себе после того, что стряслось утром, и не ведали что творим. Тогда он только послал нас к черту и выразил надежду, что мы погубили себя этим на всю жизнь.

Данлейн. Бог ему простит.

Сосед. По мне, это была лучшая капля метила, какую я пробовал. Не сравнишь, конечно, с довоенным, но, пока суд да дело, тоже согревает. Ах, это прекрасный вечер, и еще один день позади.

Б. Да и зима позади, Сосед! Впрочем, когда стукнет девяносто, дней не замечаешь.

Сосед. Эх, просиди ты с мое, ты бы тоже пацаном не выглядел.

А. Да что ты сидел?! Да, кем буду, ты никогда срок не тянул. Так, месяц тут, неделя там — за кражу дароносицы из часовни или бутылки портера с прилавка. Дай тебе больше шести месяцев, и тебе каюк.

Сосед. Скобארь ты темный, вот что.

А. Ты полегче. Два срока на мне — понял? Пять и семь лет. И еще предварительное заключение, и в Муре и в Паркхерсте.

Сосед. За что? Злостное попрошайничество?

А. Ну, какой я ни есть, а легавым или придурком при мусорах никогда не был, и, будь ты в зоне, я знаю, что с тобой бы сделали за закладывание всяких бедных ублюдков, которые заливаются в одиночке, потому что там ни ночи, ни дня и надо хоть петь, чтобы совсем не спятить.

Сосед. Да это же для его собственной пользы. Потому что, если мусор его наколет, корпусной возьмет и добавит ему пару дней.

Данлейн. Бога ради, может, уймется, вы оба? Ваш хай терзает мои рваные нервы. Это негуманно. Англичане должны проявлять больше сострадания к человеку, у которого башка раскалывается. Метилковый мученик, вот я кто.

Сосед (к А.). Этот парень и я, мы уже тянули срок, пока ты не родился. В Килмейнхеме, где ты никогда не был. Первые четырнадцать дней без матраса, баланда три раза в день. И ничего похожего на прогулки, как нынче. Я попросил одного парня отрубить мне палец на ноге, чтоб в больничку попасть, там все-таки была кормежка.

Данлейн. Жалко, что ты не попросил заодно ампутировать голову, раз уж ты занялся этим. Не трепал бы лишнего.

Сосед. А у меня, между прочим, рот, чтобы говорить, как у всех. Мы, конечно, не такие образованные, как некоторые, чтобы в новогоднем концерте заделывать соло на электрическом стуле.

Данлейн. Это ты не по делу, Сосед... Завязал бы спорить и переливать из пустого в порожнее. Смени пластинку и давай что-нибудь всем интересное. Например, насчет этого бедняги и как его вздернут завтра по холодку.

Сосед. Это уж точно, Данлейн. Уютная получится клумбочка из этого парня. (*Тычет палкой в сторону могилы.*) Через два месяца будем есть капусту, что тут вырастет.

А. Что-то уж больно ты торопишься перевести чувака на капусту. Может, его еще и помилюют, как Набалдашника, почем ты знаешь?

Бессрочник. Иисус, Мария и Святой Иосиф! Вы, поди, предпочли бы увидеть там меня? (*В ярости отходит прочь.*)

Сосед. Этот фраер просто отключается, когда слышит о веревке.

А. Ты бы тоже, если б ты несколько часов назад пытался удавиться.

Сосед. Ну, ладно, что хоть отвалил, так что можно спокойно болтать. Если уж трепаться, так не трепать нервы соседям.

Б. Никто не знает, что может случиться с приговоренным. Господь милосерден.

В. И Дева Мария тоже.

Они с удивлением смотрят на молодого человека, который к ним присоединился.

Данлейн. Э, нет, теперь все. Уже поздно. Не успеют они его помиловать.

А. Но бывали же помилования в последнюю минуту.

Сосед. Так-то оно так, да ведь он еще слил кровь — родного своего братца — в лохань, точно это был боров, и зарыл останки в разных местах; так что опознать потом не было никакой возможности.

В. (*по-ирландски*). Go bfoiridh Dia reinn! ¹

Сосед. Нет, у него шансов, ни одного на всю кошачью расу. Вздернут не хуже, чем Гилдроя.

А. Ты у нас, гляжу, затейник. Послушаешь тебя, вспомнишь анекдот.

¹ Господи, помилуй! (*ирл.*)

Послали девочку утешить папашу, так она так старалась, что он перерезал себе глотку.

Д. А-а, все равно он прав. Повесят его.

Сосед. Точно. Ставлю свой воскресный бутерброд с ветчиной — если найдется идиот, чтоб спорить.

Заключенный Д., букмекер, прислушивается.

Д. На бутерброд твой я положил, но если хочешь, оформим пари как следует.

Один из заключенных становится на шухере. Д. действует как заправский букмекер на скачках. Эх, старая фирма. Приятно поработать. Сосед ставит воскресный бутерброд с ветчиной, что мальчика утром повесят. Что против?

Г. Пять сигарет.

Д. Да пошел ты...

Миксер. Полбутерброда.

Д. Полбутер...

Сосед. Э, нет, целый бутерброд!

Д. Равные бутерброды! Кто берет равные бутерброды? Вот вы, сэр. Давайте вы. У вас вид спортсмена.

А. Не стану я жрать ничего, к чему он притронулся. Даже если буду помирать с голода.

Сосед. Иди ты!

Д. Ладно-ладно-ладно, не прерывайте ставки. Кто берет?

Данлейн. Я беру, хотя бы лишь для того, чтоб заткнуть это жадное грызло.

Сосед. Иди ты! Треплешься...

Данлейн. Нет, ставлю свою ветчину, что до утра придет помилование. Чуют мои кости.

Сосед. Это просто ревматизм.

Д. Принято, Сосед?

Сосед. Принято.

Д. Пожмите руки.

Данлейн. Добрый день, лорд Лонсдейл.

Сосед. Ладно, ладно. Завтра утром, когда люк ему скажет: «А», твоя ветчина — моя.

А. Да не лишит тебя Бог аппетита.

Сосед. Будь спок, его вздернут.

А. Но если нет, я, клянусь, расскажу ему, как ты ставил ветчину против его жизни.

Сосед. Не посмеешь.

А. Это почему же?

Сосед. Не будешь ты настолько злым.

А. А что, собственно, тут такого злого?

Сосед. А то, что раскол и несогласие вносишь.

Появляются двое малолеток.

А. Да уж, надеюсь, он оценит шутку.

Б. Опять эта пацанва здесь. Экскурсия по Райли с познавательной целью? Ну, куда вы направляете свои стопы?

1-й малолетка. Пришли повидать кореша. Ему позавчера стукнуло двадцать, так что его перевели от нас сюда. (Замечает В.) А, вот ты где. Мы прямо из больницы, с осмотра, в субботу выходим, знаешь. Так что вот тебе сигаретка. (Достает пачку «Вудбайн», вынимает сигарету и протягивает ее В.)

В. (застенчиво встает и принимает). Спасибо.

1-й малолетка (передразнивая ирландский). Гуры-муры-гыт — хочешь сказать?

В. (слабо улыбаясь). Go raibh maith agat! ¹

1-й малолетка (величественно). Na bac leis ². (К остальным.) Шпарит

¹ Благодарю вас (ирл.).

² Не за что (ирл.).

по-ирландски как бог. Он с острова, который где-то между нами и Америкой. А Шейбо даст тебе огонька.

2-й малолетка (*роется в складках своего пальто, извлекает спички и протягивает В.*). Держи. Вот гадство — перевести тебя сюда, ко всем этим старперам. Подумаешь, двадцать лет. Но, может, ты после нас особо не задержишься и тоже пойдешь домой.

В. (*с акцентом графства Керри*). Надеюсь, если Господу будет угодно. Это будет летом, а там очень красиво, когда солнышко светит.

Малолетки на мгновение смущаются.

Данлейн. А не поцеловаться ли вам на прощание?

2-й малолетка (*1-му*). Слышь, нырнем-ка в яму, пока мусора нет.

1-й малолетка. Законно, надо поглядеть, что это такое.

Оба лезут в могилу, старики кричат на них, но тут у дверей в госпиталь появляется надзиратель Донелли.

Донелли. А ну вылезайте к чертовой матери оттуда и катитесь к себе! (*Кричит надзирателям, находящимся в помещении.*) Примите двоих с Несовершеннолетнего! Катитесь ко всем чертям отсюда!

Малолетки выскакивают из могилы как пробки и, пританцовывая и деля на ходу так называемый знак V — левой рукой по сгибу правой, — убегают в дверь.

Сосед. Вот наглые щенки. Для них тут просто малина. Поджарил бы я их розовые задницы, оч-чень было бы полезно. Нахальные такие теперь щенки всюду бегают. Никакого уважения ни к Богу, ни к человеку, хватают все, что не прибито гвоздями.

Б. Это, Сосед, в тебе метил проснулся.

Данлейн. Мог бы беситься в своей постели.

Английский голос (*в одном из верхних окон*). Эй, эй, там, внизу, во дворе.

Данлейн. О, кажется, лорд говорит.

А. Это тот гусь из Лондона, за автомобильную контрабанду.

Английский голос. Эй, там, внизу!

Б. Ну чего, наверху?

Сосед. По заду захотел?

Б. Да заткнись ты на минуту. Дай-ка послушать, чего ему надо.

Английский голос. Есть там у вас внизу кто-нибудь, кто на неделе освобождается?

Б. Миксер завтра выходит. Да он тут, на прогулке. (*Кричит.*) Обожди минутку! (*Озирается.*) Эй, Миксер!

Миксер. Ну, чего?

Б. Этот англичанин, который тут из-за машин, ему надо знать, не выходит ли кто на неделе. Ты вроде завтра освобождаешься?

Миксер. Выхожу, утром выхожу. (*Англичанину.*) Чего тебе?

Английский голос. Слушай, надо, чтоб ты законтачил с моим напарником. Он в Дублине. Это насчет выкупа за меня. Я сейчас напишу тебе имя и адрес и спущу на веревочке. Я не хотел, чтоб легавые накололи его адрес в Дублине, так что не мог написать просто. Я тут фунт на шмоне притырил, так я спущу его вместе с адресом. Сделай, а?

Миксер. Ладно, давай спускай адрес и денежку.

Английский голос. Мой кореш подкинет тебе еще, когда доберешься.

Миксер. Ладно, ладно, гони денежку-то и адрес, пока мусор не накопал. Я завтра выхожу и сразу же его повидею — как только выйду из рыночного паба. Полтретьего.

Б. Спускает.

Миксер. Ну что ж, по крайней мере, денежка-то вот она. (*Читает записку.*)

Сосед встает, заходит сзади и заглядывает через плечо. Миксер замечает это.

Убирайся отсюда к дьяволу.

Сосед. Да я только хотел посмотреть, что он пишет.

Миксер. Ага, и отправить его кореша в Брайдвелл, пока солнышко не село. Знаю я тебя, легавый сраный.

Сосед. Давай-давай, но ты еще пожалеешь об этом.

Миксер (*сует ему фунт*). На, закажи себе панихиду.

Сосед. А тебе бы тоже не повредило приложиться к ручке священника.

Миксер (*смеется над ним*). А, это для грешников. Только грязному надо мыться.

Сосед. Такой остряк и тут пропадает.

Миксер (*возвращаясь к остальным, стоящим в глубине*). Отвали по-доброму, Сосед. Как станешь подыхать в богадельне, ужо навещу.

Сосед (*кричит ему вслед*). Да ты лучше о себе позаботься! Я, между прочим, пару лет назад видал тут этого чувака, которого завтра вздернут. Тоже молодой и здоровенький, как ты, во всей своей силе и наглости. Сидит тут за корпусом А в футбол играли, а мы с беднягой Мокриджем гуляли и никому не мешали. И вдруг мне — бац по голове, так что я с копыт и ухо чуть не напрочь. А он и говорит: «Хорошо головой принимаешь», а я после того оглох на три дня. Так кому сейчас лучше, какой он там ни молодой и сильный? И как будет чувствовать себя его ухо, когда ему завтра там намылят и веревкой обмотают? И у кого копыта подогнутся, когда распахнется люк и он загремит к чертовой матери в яму? Так что толку в этой молодости, а?

Некоторые арестанты прислушиваются.

Миксер (*отходит прочь и, глядя презрительно на Соседа, кричит*). Вали, вали, скот недоделанный.

Проходит надзиратель; звонят городские колокола, гудят заводские сирены, слышны свистки пароходов. Арестанты ходят взад-вперед, как звери в клетке.

Сосед. Данлейн, не дашь карандаш на минутку?

Данлейн. Это зачем?

Сосед. Хочу черкнуть пару слов этому англичанину, насчет его дела.

Данлейн. Давай по-быстрому, пока мусор не вернулся.

Сосед (*пишет*). Алё, подними это, тут насчет поручения.

Английский голос. Ты получил фунт и адрес?

А. Что этот старый пес затеял?

Данлейн. Да оставьте вы его в покое. Парень немного опрометчив, а наш старик хочет помочь ему выкрутиться.

А. Ну да, с помощью штопора.

Сосед. Спусти шнурок и получишь записку.

Английский голос (*видны руки в окне, держащие записку*). «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Хочешь жить — умей вертеться». (*Кричит в ярости*). Ты, гнусный ублюдок, ты же взял мой фунт — ну, гадом буду, скажу об этом мусору! Я продам тебя, сучье племя!

Миксер. Что ты написал ему?

Сосед. Хочешь жить — умей вертеться. (*Хихикает по-стариковски.*)

Английский голос (*кричит в окно*). Ладно, вертеться так вертеться, но я продам тебя, я скажу мусору, продам тебя за этот фунт!

Миксер (*кричит в окно*). Закрой свою пасть на минутку. Это не я, я ничего тебе не писал.

А. Это тут один старпер дорывается.

Миксер. Я не посылал тебе письма, понял? Это все эта бутылка с сифилисом.

Сосед (*прекращает смеяться, напуганный приближающимся Миксером*). Да ну, Миксер, я ж просто пошутил.

Миксер (*наступаая*). Я тебе дам пошутил.

Миксер наступает на Соседа. Остальные стоят и смотрят. Внезапно Миксер хватает Соседа и торжествующе крича, тащит его к могиле и сталкивает его туда. Заключенные обступают толпой могилу и, пиная грунт ногами, забрасывают Соседа.

Все (*скандируют*). Хочешь жить — умей вертеться!

Хочешь жить — умеи вертеться!

Б. Атас, Миксер, атас, атас, мусор идет.

А. Да это просто повар с ужином для приговоренного.

Из ворот госпиталя выходит арестант в белом фартуке, в руках у него поднос. Он задерживает шаг, и его тотчас окружает любопытная толпа — за исключением Бессрочника, стоящего поодаль, и Данлейна, прикорнувшего на авансцене. Голоса заключенных, столпившихся вокруг пищи, превращаются в возбужденный хор.

А. Яичница с ветчиной.

Б. Это ему давали вчера.

Миксер. Кура.

Сосед. Это было в обед.

Б. Торт.

А. Эх, вешаться не жениться.

Сосед. Бифштекс с луком.

Миксер. Колбаски с ветчиной.

Б. И ливер.

А. Свиная отбивная.

Б. Ножки.

А. Семга.

Сосед. Рыба с картошкой.

Миксер. Желе с кремом.

Сосед. Баранина.

А. Пудинг.

Б. Индейка.

Сосед. Гусь.

А., Б. и Сосед (вместе). Яичница с ветчиной.

Все. Яичница с ветчиной! Яичница с ветчиной! Это яичница с ветчиной, и ветчина и яичница, и яичница и ветчина!

Повар (отчаянно). Мужики, постойте...

Все. Брось, дай взглянуть, подними крышку, давненько я этого не видел.

Повар — арестант из obsługi — пытается защитить свою ношу; заключенные от возбуждения и жадности образуют настоящую свалку вокруг него, их ноздри как бы обезумели от этого запаха. Из госпитальных ворот раздается рев.

Донелли (орет). Разойдись! Разойдись к чертовой матери! Забыли, где находитесь!

Заключенные бросаются врассыпную. Повар с достоинством удаляется.

Сосед (усаживаясь). Ох, два яйца и желток посередине, как... как невестины глазки под прозрачной фатой... и свиное сало... бледное и чистое, как жидкое золото.

Данлейн. Да разрази тебя гром, что ж ты делаешь, а? Мне и так уже худо.

Сосед. И опять же — два куска ветчины.

А. Да заткнись ты, сука завистливая. Авось, когда ты вернешься в свои апартаменты на Сент-Джеймс-стрит, дом 1, цены опять подскочат. А там будет яичница с ветчиной. Представляешь, как придется втыкать, если завидуешь даже фраеру, который рубает в последний раз на этом свете.

Сосед. Ну, если хочешь знать, то, во-первых, не в последний. Он получит еще ужин на ночь и завтрак утром. И нисколько я ему не завидую. А потом он получит тушенку из пеньки, и пудинг на крышке люка, и еще черную дырку на сладкое. И, в конце концов, ты тоже притащился сюда вместе с остальными поглазеть на жратву, а?

А. Во всяком случае, не от зависти.

Б. Надо же хоть как-то развлечься, а то в этой ночлежке от однообразия сдохнуть можно.

Звонит треугольник.

А. (мрачно). Ты прав. В Стрейнджуэйзе, в Манчестере — я там был во

время войны,— мы там даже любили налеты. Нас там всю дорогу держали взаперти, и во время бомбежки тоже. Тогда мы взобрались на столы и содрали затемнение. Шикарный, надо сказать, был вид: весь город пылал внизу под нами. Мусора носились взад-вперед и орала в глазки, чтоб мы отошли от окон, но потом они удрали в бомбоубежище. Да, грандиозное было зрелище, но потом бомба угодила в соседний корпус, и там укукошило двадцать рыл. Они так и остались там на столах, без единой царапины, но с концами. Это тогда тоже нарушило однообразие.

Входит надзиратель Донелли.

Донелли. А ну, все! Валите сюда.

Б. Не забудь о пари, Сосед.

Донелли. Ну, живо, стройся в шеренгу.

А. И не забудь, что я расскажу-таки приговоренному.

Донелли. А ну, тихо! (*Начинается обыск.*) Так, что это у тебя в кармане? Напильник? Ножницы из мастерской? Нет? Кусочек веревки? А, это просто твой носовой платок. (*Обыскивает следующего.*) Ну-с, что у тебя? Кусочек воска? Который ты забыл оставить в мастерской? Отлично, в следующий раз не забудешь. А это что?

Арестант вытаскивает 5 сантиметров веревки.

Это зачем? Ах, вы перевязывали сегодня посылки? Да, в конце концов, сами собой они не обвязываются. И ты забыл ее там оставить? Ладно, отваливай, за пять лет у тебя будет достаточно времени, чтоб сделать веревочную лестницу. Ах, у тебя только шесть месяцев. Так, может, ты пожалел деньги налогоплательщиков и решил повеситься? Печально, конечно, если так, но они ведь захотят узнать, где ты взял веревку.

Заключенные угодливо смеются.

Подходи следующий. (*Донелли уже спешит.*) Ну, нет ли у вас ножниц, иголок, ножей, бритв, топоров, револьверов и пустых бутылок из-под пива? Нет? (*К последнему.*) Ладно, не желаешь ли купить билетик на Полицейский бал?

Заклученный принужденно улыбается.

Риган (*голос из корпуса*). Все в порядке, сэр?

А. Не забудь, Сосед.

Донелли. Да, сэр, открывайте.

Ворота со скрипом открываются.

Корпус Б-1, марш!

Сосед. Во всяком случае, могила вырыта и палач в пути.

А. Это еще ничего не значит. Они всегда роют яму. Просто чтоб пустить пыль в глаза.

Донелли. Прекратить разговоры!

Заклученные удаляются, ворота закрываются за ними; еще некоторое время слышны звуки их шагов, пока они расходятся по камерам.

Риган (*голос из корпуса*). Корпус Б-1, закрыть двери! Живо по камерам, и закрыть двери! Марш по камерам, и закрыть двери! Запираем, запираем! Марш все внутрь, и закрыть двери!

Последняя дверь хлопает, и воцаряется тишина.

Голос из подвала (*поет*). Фонарь качался, и день кончался,
А я на нарах лежал, скучал,
Я лежал в печали,
А ключи бренчали,
И канал Английский вдали журчал.

Ворота тюрьмы открываются, звонит треугольник. По ступенькам спускаются Корпусной и надзиратель Донелли. Они приближаются к могиле и осматривают ее.

Шеф (*то есть Корпусной, роскошный в своей фуражке с серебряным шитьем*). Кто это тут так заливается?

Донелли. Я полагаю, кто-нибудь из тех, кто в душегубке.

Шеф. Где?

Донелли. В карцере, сэр.

Шеф. То-то. Скажите ему, чтоб заткнулся.

Голос. Ах, в зоне женской
Полсотни женщин...

Донелли (*выходит на середину и кричит*). Эй ты, там, внизу! Заткнись, или я тебе вставлю кляп.

Пение прекращается. Донелли возвращается назад.

Шеф. Что, приговоренный уже попил чай?

Донелли. Кончает. Он как раз готов к прогулке. В корпусе все в порядке. Они сидят по камерам и пьют чай. Его выпустят с минуты на минуту.

Шеф. Он что, придет сюда?

Донелли. Да, сэр.

Шеф (*раздраженно*). Черт возьми, вы что же — хотите показать ему его могилу? Да еще наполовину вырытую! Бегите и скажите этим идиотам, чтоб вывели его другим ходом и прогуливали там, у кочегарки; и пусть держат его поближе к стене, чтоб из камер не пялились. Живее, и уж постарайтесь, чтоб он вас не слышал. Ну, сделайте там вид, что это о чем-то... Надзиратели! Вам бы торговать чулками у Вулворта! (*Выходит на середину и кричит вниз*.) Эй ты, там, внизу! В камере под лестницей! Поешь, чтоб составить себе компанию? Да не бойся, я всего лишь Корпусной. Как давно ты тут? Что? Семь дней — первая камера и двадцать один — вторая? Господи, прости нас и помилуй, ты, видно, натворил что-нибудь ужасное. Ну, я, может, смогу для тебя что-нибудь сделать. Хотя, Бог свидетель, ты не должен на это рассчитывать. Я тут не хозяин. Что? С кем? А, понятно, я тоже когда-то поцапался с этим типом. Поглядим, что можно сделать. Ты уже порядочно торчишь тут, с кем бы ты ни повздорил.

Входит надзиратель Донелли.

Ну, как?

Донелли. Все в порядке, сэр, они отправили его через другой выход.

Оба смотрят за пределы сцены.

Шеф. Вроде бы спорят о чем-то.

Донелли. Футбол.

Шеф. Боже, вы только взгляните, с какой настойчивостью он их убеждает.

Донелли. Я был внизу, в камере смертников, когда он пил чай. Я спросил, все ли в порядке, и он сказал, что да, а потом говорит: «Вечера становятся как будто длиннее, правда?»

Шеф. Полюбуйтесь, как он наслаждается воздухом.

Донелли. Да, хороший вечерок выдался ему напоследок.

Шеф. Я выяснил имя того парня, который устроил концерт в карцере. Утром, когда все кончится, проследите, чтоб его перевели на ту сторону. Пусть распевает свои серенады кочегарке. Для разнообразия. Если, впрочем, завтра у него будет настроение.

Донелли записывает в блокнот.

О каждом пустяке приходится заботиться. Никто из вас лишний раз пальцем не пошевелит. Кроме когда получку дают. Тут вы быстрые. Ладно, за дело.

Донелли подходит к могиле и снимает презент.

(*Смотрит за сцену*.) Минуточку... Нет, все в порядке. Они прогуливают его

с той стороны кочегарки. (*Заглядывает в могилу.*) Не так уж плохо, еще пара футов и дело в шляпе. Как только он кончит прогулку, Риган приведет сюда рабочую команду.

Донелли. Но он же и так далеко, сэр. Вон, небом любитесь.

Шеф. Можно подумать, прощается. Что ж, он и впрямь больше его не увидит.

Донелли. Никаких шансов на помилование, сэр?

Шеф. Никаких. Хили даже не заикнулся на этот раз о почте. Будь хоть один шанс, он заставил бы нас выделить человека дежурить там всю ночь. А он только сказал, что начальник тюрьмы скажет последнее слово на рассвете. Это означает лишь одно. Ступайте.

Надзиратели Риган и Криммин входят с заключенными.

Риган. Рабочая команда прибыла, сэр. Ну-с, снимайте доски, пора харчи отработывать. Еще два фута в глубину, глину укладывайте наверху, и поаккуратней.

Шеф. Слушайте, Риган...

Риган. Займитесь, мистер Криммин.

Шеф. Я хотел сказать, Риган, почему бы вам не дать себе немного отдыха, пока они тут роют? Это же чертовски длинная смена — до восьми утра.

Риган. Благодарю вас, сэр.

Шеф. Не за что. Ну, мы еще увидимся,— прежде, чем вы заступите. Ступайте пока что и перекурите там в госпитале. Не забудьте же.

Шеф и надзиратель Донелли уходят.

Риган. Слушайте, Криммин. Шеф, как приличный человек, разрешил нам пойти в санчасть и малость перекурить, пока ребята будут тут вкалывать. Он, конечно, соображает, что мы и так бы туда смотались, но для него важно, чтобы и волки сыты и овцы... В общем (*достаёт из кармана пачку сигарет и вынимает несколько штук*), дайте-ка это ребятам.

Криммин. Хорошо, я прибавлю еще из своих.

Риган. Ни в коем случае. По одной на каждого вполне достаточно. Вы, конечно, можете им сунуть парочку, когда они кончат. Но если у этих парней по две сигареты на рыло, они палец о палец не ударят и будут проводить время, созерцая кольца дыма в вечернем воздухе, как истые лорды. Сначала отвалю я, а вы чуть-чуть позже. Да, и скажите им, чтоб у них ничего этого не было в зубах, если сюда Шеф или Начальник нагрянет. (*Он поднимается по ступенькам в госпиталь.*)

Криммин окликает заключенного В.

В. (*подходит к нему*). Seadh a Thomais? ¹

Криммин (*передает ему сигареты и спички*). Seo, cupla toitín. Taim fhein is an screw eile ag did isteach chiung an oispeasdal, noimest Roinn amach no toitíní siud, is glacfaidh sibh gal, M. thagann an Governor no Chief, no an Principal, no blodh in bhur mbeil agaib iad. A'tuigeann tu? ²

В. Tuigim, a Thomais, go raidh maith agat ³.

Криммин (*официально*). Отлично, а теперь приступайте к работе.

В. Есть, сэр.

Криммин поднимается по ступенькам в госпиталь.

В. Он дал мне немного сигарет.

Заключенный Г. отходит к могиле, Б. стоит рядом.

А. Чтоб мне всю жизнь работать за такую цену! Слушайте, вы вдвоем повтыкайте немного, а мы малость подымим и потом подсменим.

¹ Слушаю, Томас (*ирл.*)

² Здесь несколько сигарет. Я и второй надзиратель на минутку уйдем в санчасть. Разделите сигареты и покурите. Если появится Шеф, Начальник или кто-нибудь из администрации — спрячьте. Понял? (*ирл.*)

³ Понял, Томас. Спасибо (*ирл.*)

В. Он сказал, чтоб остерегаться Шефа и прочих.

Б. Передай огоньку напарнику. Он говорит, что с большим удовольствием покурит там в яме — никто не увидит. Все-таки порядочные мужики — Риган и тот второй.

А. Сдохнуть можно от этой порядочности. Тот же Риган был нынче что зверь в мастерской. Нельзя было словом перекинуться.

В. Никогда не видел его таким.

Б. В таких случаях он всегда не в себе. Видно, смертная казнь действует ему на нервы.

А. Ему-то чего, он же ни черта не почувствует.

Б. Да ведь он назначен в последнюю смену, с полуночи до восьми.

А. Я верна тебе до гроба.

В. Бедняга, кажется, сам его попросил.

А. Они всегда его просят.

В. И Криммина тоже.

А. Неплохое начало для новичка — он же совсем не обнюхался.

Б. Смешно, что все они зовут Ригана. Словом думают, что он принесет им удачу, потому что приличный человек.

А. Приличный! Ты когда-нибудь видел, чтоб мусор, и был приличный? Знаешь историю, как мусор женился на проститутке?

Б. Ну и что было?

А. Она опустила. До его уровня.

Б. Он сказал мне, как-то, что, если б я не так налегал на пиво, ни в жисть бы сюда не угодил. А я спросил, а как он сам насчет этого дела, и он ответил, что мне бы следовало за него помолиться.

В. Когда я сидел в корпусе Несовершеннолетних, он трёкал с нами в таком же духе. Говорил, что Пресвятой Деве о нас известно больше, чем судьям, полиции и даже нам самим. Что мы должны считать себя большими грешниками, но Она-то знает, что мы неплохие ребята, но слегка одичали.

А. У него точно не все дома.

В. И что мы отбываем наказание вместо людей, которые богаты и могут грешить безнаказанно. Особенно судьи.

Г. появляется из могилы.

А. Мертвые вставали и являлись многим.

Б. Чего ты вылез из своей норки?

Г. Я думал, что благоразумней курить в яме, но не мог там высидеть, слыша ваши разговоры, не мог, как налогоплательщик — особенно эти недостойные речи о слугах правосудия. *(Укоризненно смотрит на В.)*

В. Я только повторил, что говорил мистер Риган, сэр.

Г. А он может поплатиться за это. Согласно ему, можно обойтись без закона и порядка. Нас бы всех давно перерезали в наших постелях, мы стали бы жертвою любого негодяя, которому взбрело бы в голову забрать наше добро и даже жизни. Собственность должна быть неприкосновенна! Чем бы было общество без полиции, судей и хороших тюрем? Хаос! Я считаю, что повешение еще слишком мягкая мера.

В. О, мистер Риган отвергает смертную казнь.

Г. Боже правый, да этот человек атеист. Его нельзя держать на государственной службе. Я сообщу об этом министру, когда выйду отсюда. Я учился в школе с его племянником.

А. Кем, черт возьми, он себя воображает? Верховным судьей?

Г. Хаос!

Б. Он тут за растрату, из-за которой, кстати, там была пара самоубийств и еще перевыборы правления.

Г. Есть еще некоторые, кто заботится, знаете ли, о порядке в стране. У нас в семье это традиция. Еще мой дед получил четыре недели за подстрекательство к мятежу — во время Земельной войны. С тех пор мы не останавливались. Один из моих младших племянников, должен вам сказать, только что поступил в Сандхерст ¹.

¹ Военное училище сухопутных войск в Англии.

Б. Это там, где ты отсидел свои четыре года?

А. Нет, это был Паркхерст.

В. (*остальным*). С высшим образованием человек. Смешно, правда?

Г. Я употреблю все свое влияние, чтобы осадить этого Ригана.

В. Вы, должно быть, очень влиятельный человек, сэр.

Г. Я из Кэшл Кэрлсов, мой мальчик, и по материнской линии прихожусь родственником Килленсам из Килкока.

Б. А, те, что стирали на наше семейство.

В. Go bfoiridh Dia rainn! ¹.

Г. Ты говоришь по-ирландски?

В. Да, сэр.

Г. Если хочешь знать, я получил в школе золотую медаль за ирландский.

В. Это значит, вы говорите по-ирландски?

Г. Конечно.

В. О, сэр. Та Caoliumn go leor agamsa. O'n gobliabh an amach ², сэр.

Б. Вот ты и попался.

Г. Да. Tuighin thu ³.

Б. Этот парень из Керри, они там иначе не говорят.

Г. Из Керри? Ну тогда, конечно, у тебя другой диалект, чем тот, которому я учился.

Б. Этот молодой мусор — Криммин — тоже оттуда. Когда дежурные уходят, он просачивается на нашу площадку, и вот они часами болтают через глазок. И все по-ирландски, все по-ирландски.

Г. Это никуда не годится.

Б. А что тут плохого?

Г. О какой дисциплине может идти речь при такой фамильярности надзирателя с заключенным?

В. Но он же только сообщает мне вести из дома — ну, кто уехал в Штаты или в Англию. Он здесь тоже совсем недавно, как и я... и нам обоим одиноко.

Б. Малыш поет иногда по ночам. Одну старую песню, довольно мило. Это как-то скрашивает жизнь, когда ты ночью один в камере. Приговоренный тоже слышал его и даже попросил каждую полночь петь немного для него.

А. Придется тебе нынче, парень, напрячься для него напоследок.

В. О Господи, смилуйся над ним! Все равно его жалко. Это же ужасно — умирать на конце извивающейся веревки и черный балахон поверх твоего лица!

А. Ну, его вздергивают не просто так, ни за что. Все-таки зарезал своего брата, да еще и расчленил его, как мясник — тушу.

Г. Совершенно справедливо, сэр. Варвар каких мало.

В. Может, он и сделал все это, но, Господи, помоги ему. Сидит там и знает, что это последняя его ночь на земле. Ждет там, когда его разбудят и поволокут к петле.

А. Да какое там разбудят! Держу пари, вот уж кому не понадобится ставить будильник на без четверти восемь.

В. Да обретет он покой в другом мире.

А. Или братана, чтоб перекинуться парой слов, как он четвертовал его таким малопочтенным образом.

В. Никто этого не знает наверняка.

Г. Как так! Суд установил, что этот человек действительно в свое время был мясником и использовал, можно сказать, свой опыт, когда, убив брата, разрубил его топором на части, чтоб замести следы.

В. Go bfoiridh Dia rainn!

А. Ну, я не очень-то верю разным судам, но я знаю от парня из его деревни, что он сначала связал брата, а потом зарезал его как свинью.

Г. И, согласно уликам, слил всю кровь в корыто. Да его за это мало трижды повесить.

¹ Господи, Боже правый (*ирл.*).

² У меня хороший ирландский. С самой колыбели (*ирл.*).

³ Я понял (*ирл.*).

А. Я думаю, раз ваш дядюшка учился с президентской бабушкой, это будет нетрудно устроить.

В. Я не верю, что он плохой человек. Когда я сидел еще на подследственном, нас на прогулку вместе выводили, и он очень сочувствовал, когда я рассказал ему о своем брате, погибшем в армии у янки, и об отце, которого завалило в шахте в Манчестере. Он был хорошим товарищем для меня, а ведь я там и не знал никого, кроме малолеток, издевавшихся надо мной, и я его жалею.

А. Ужасно это все трогательно, насчет вас обоих. Малолетки, значит, должны расстилать бархатную дорожку, когда являешься ты или какой-нибудь другой дикарь. (*Раздраженный, он отходит.*) Лучше займемся этой вшивой ямой.

Б. Атас, атас.

Риган (*входя вместе с Криммином*). Я торчу здесь уже десять минут, и все это время ничего, кроме ля-ля-ля не происходит. И, будь я проклят, Корпусной или Хозяин могут появиться каждую минуту. Что это за родительское собрание! И ты, и этот лысый мешок с газами, в чем дело!

Г. Мы просто немного обменялись впечатлениями, сэр.

Риган. Это ложь, и не стоит лжи.

А. Ладно! Да, мы действительно трепались. А я не набивался в прорабы, понял? Давай запирай меня в камеру! Запирай! Пусть Корпусной даст мне трое суток карцера! Удавы!

Риган. Очень это тебя расстроит.

А. Это уж точно.

Риган. Брось, не строй из себя деточку. Мы все знаем, что — битый. Где ты тянул срок? На болотах?

А. Два срока, сэр. И не на болотах, а в Паркхерсте и в Муре.

Риган. А-а, это наш национальный комплекс неполноценности. Наши собственные ирландские плетки и дубинки со свинцом из Каррикских шахт его не устраивают. Ему, видите ли, подай Дартмур или Паркхерст. А что было бы, если б ты попал куда подальше, в Синг-Синг или на Чертов Остров!

А. (*уязвленно*). Я здесь не для того, чтоб надо мной издевались, сидел я в Англии или нет.

Риган. Да кто хоть слово сказал об этом. Сам же выпендриваешься перед ребятами, точно богатый янки. Слушайте, хотим мы этого или нет, но приговоренный будет похоронен здесь утром, так что кончайте трепотню и займитесь делом.

А. Я никому не позволю над собой смеяться!

Риган. Да? Ну и что ты сделаешь? Пожалуешься в контору Святого Хили? Давай. Он, известное дело, всюду сует свой нос. Как старый добрый член ИРА с прекрасной конторой в Свипе. Посоветуйте меня приличным людям и так далее. Брось-ка ты это, парень, ради Христа. Это скверная ночь для всех нас. Неплохой дебют для такого юнца, как этот, только-только из пеленок... Брось. Ты же еще не совсем забыл, что производишь из приличного дома. Где на сон грядущий читают молитву.

А. Нет у меня времени на такую болтовню. В жизни не слышал, чтоб религия приносила кому-нибудь пользу, кроме мусоров. В прошлый сочельник, когда я сидел в Уолтоне, священник явился к парню, который в то утро получил восемнадцать ударов плеткой. Когда парнишка слегка очухался и перестал стонать, слышит, как тот предлагает ему размышлять о страстях нашего Господа, а когда дверь захлопнулась, в камере остался такой запах перегара, что можно было обалдеть. (*Он смотрит на сцену, туда, где гуляет приговоренный, и с ворчанием приступает к работе.*)

Риган. Лучше бы ты молился — за алкоголика-то. Ладно, приступайте, все вы, и поторопитесь. У нас с Криммином еще вся ночь впереди, и мы не хотим кончать за вас.

Все влезает в могилу.

А. Никогда не видел такого мусора.

Б. Никто не видел.

Они работают.

Криммин. Который час, сэр?

Риган. Без десяти семь.

Криммин. «Сам» уже прибыл?

Риган. Да, вчера, вечерним пароходом. Самолет его нервирует. Говорит, это как-то неестественно. Сейчас он отсыпается после поездки и появится попозже. Мы подождем, пока он обмерит беднягу, а потом будет отдыхать до двенадцати.

Криммин. Хорошо.

Риган. И, бога ради, постарайтесь выглядеть повеселей, когда снова заступите.

Криммин. Я никогда не видел еще ничьей смерти, мистер Риган.

Риган. А я, конечно, черствый мерзавец, поскольку привык.

Криммин. Я не имел этого в виду, сэр.

Риган. Мне это нравится так же, как в первый раз.

Криммин. Понимаю, сэр.

Риган. Это был молоденький протестант, в первый раз. Он спросил, нельзя ли повести его спиной вперед — так, чтобы не видеть веревки.

Криммин. Господи, помилуй.

Риган. Да помилует он всех нас. Молодой священник, которого тогда позвали, попросил тюремного капеллана ему помочь: для него это тоже была первая казнь. Я пошел за каноником — он у нас роскошный парень. «Риган,— сказал он,— я думал, на сей раз мне удастся избежать этого. Но этого не избежишь. Никто не может избежать этого. Ну ладно,— говорит он,— может, за то, что я двадцать раз видел это, меня вышвырнут из чистилища двумя минутами раньше».

Криммин. Amen, a Thighearna Dhia ¹.

Риган. Молодой священник был великолепен. Он читал вслух Библию этому протестантику, пока они ждали, и он пошел с ним внутрь, поддерживая его за руку и повторяя, пока они шли, что пусть опирается на милосердие Божие, которое сильнее человеческой власти. Я шел рядом с ними, и подвел паренька к люку, и поставил его под перекладной. Накинули на него петлю, намылили за ушами, потом надели балахон. И все это время молодой священник повторял ему — великолепным ровным голосом, сквозь балахон: «Я возвещаю тебе этой ночью, мой возлюбленный Христос...» — и гладил его по голове, пока тот не провалился в люк. Тут он потерял сознание, и нам с каноником пришлось тащить его в кабинет Корпусного.

Пауза. Слышно, как люди работают в могиле.

Приговоренный позвал именно вас, Криммин. Он хочет, чтобы рядом были вы, потому что вы молоды и не закоснели еще во зле. Вы будете для него утешением в это утро, когда он будет окружен толпой куда больших негодяев, чем он сам,— говоря откровенно. Он надеется на вас, и вы уж постарайтесь.

Криммин. Да, мистер Риган.

Риган (*подходя к могиле*). Как подвигается?

А. Почти всё, сэр.

Риган. Отлично, вы можете идти.

Они вылезают.

Оставьте здесь лопаты, они понадобятся завтра утром. Мистер Криммин, ступайте и доложите, что они кончили. Я провожу их. (*Обыскивает заключенных, находит окурки у А. и нюхает.*) Гвоздь от гроба. Подходяще. (*Идет к воротам и говорит.*) Обыскивать не нужно. Пропустите.

А. (*в сторону*). Псих, абсолютный псих.

В. Но милосердный.

Риган. Марш, марш, вперед.

¹ Смилуйся над ним, Господи, аминь (*ирл.*).

Г. Здесь не место для милосердия — за счет налогоплательщиков.

А. Расскажи об этом своему дядюшке, когда снова будешь ходить в смокинге.

Риган. Тихо! Рабочая команда прибыла, сэр.

Пока заключенные удаляются, по ступенькам медленно спускается П а л а ч.

Криммин. Это...

Риган. «Сам».

Палач. Мистер Риган, не так ли? Вот мы и снова вместе, как девочка сказала солдату.

Риган. Чудесный вечер. Надеюсь, хорошо добрались.

Палач. Неплохо. Приятно, знаете, снова попасть в старую Ирландию. Хороший бифштекс и пара пинт пива, как только сойдешь с парохода. Ну, вы, кажется, хотите отвалить, а? Я сейчас только нырну взглянуть на него, и потом вы свободны.

Риган. Мы вас поджидали.

Палач. Этот юноша пойдет с нами утром?

Криммин. Да, сэр.

Палач. Одолжи-ка мне на минутку свою фуражку, сынок.

Криммин. Я не уверен, что она вам впору, сэр.

Палач. А нам и не надо особенно впору. Впрочем, мистер Риган, наверно, даст свою? Пора бы ей уже и подходить мне, а мистер Риган, надеюсь, не простудится. (*Выходит.*)

Криммин. Зачем ему нужна была фуражка?

Риган. Видите ли, он получает сведения о приговоренном от доктора, но ему этого недостаточно. Он предпочитает взглянуть сам, чтобы знать, тонкая ли у него шея, какую петлю сооружать и так далее. Потому что, если произойдет ошибка, он либо задушит его, вместо того чтоб сломать шейные позвонки, либо голову вообще оторвет от плеч.

Криммин. Go bfoiridh Dia rainn ¹.

Риган. Вы могли бы одолжить ему свою фуражку. Когда он поднимет уголок глазка, все, что приговоренный сможет увидеть, это козырек. Это можете быть вы, или я, или кто угодно. В конечном счете, «Сам» не делает ничего сверх того, за что ему платят. Как и мы с вами. Люди платят за это и голосуют, значит, это их вполне устраивает.

Палач возвращается.

Палач. Ладный мужичок. Пять пудов и превосходные плечи. Ну, мы еще поболтаем вечером в госпитале. Я — в своих обычных апартаментах. Этого юношу тоже милости просим, если он согласен составить компанию.

Риган. Хорошо, сэр.

Палач. Ну, увидимся.

Риган. Итак, Криммин, в полночь, и чтоб вид был получше. Бедняга и так уже не в своей тарелке, недоставало еще наших синих рож. Как сказано в инструкции министерства внутренних дел: «Рекомендуется создание непринужденной атмосферы, игра в шашки, лото, кости, а также разговоры на спортивные темы».

Криммин. Понял, сэр.

Риган. И еще одно, Криммин...

Криммин. Слушаю, сэр.

Риган. Снимите ваши часы.

Они уходят.

Сосед (*из камеры*). Эй, Данлейн! Не забудь о воскресной ветчине. Пари остается в силе. Они только что были у могилы, и я все слышал. Эй, Данлейн, слышишь меня?

А. Вали в станок, ты, старый антихрист! Звучишь точно тебя с того света на уик-энд отпустили.

¹ Господи, Боже правый (*ирл.*).

Английский голос. Эй, ты, который освобождается утром! Не забудь повидать моего кореша и попроси помочь мне вывернуться.

Сосед. Хочешь жить — умеи вертеться.

Песня:

Фонарь качался, и день кончался,
А я на нарах лежал, скучал.
Я лежал в печали,
И ключи бренчали,
И канал Английский вдали журчал.

Занавес.

АКТ ТРЕТИЙ

Сцена первая

Позднее в ту же ночь. Светятся окна камер. Синий фонарь во дворе. По временам слышно слабое перестукивание заключенных. Когда поднимается занавес, мы видим на сцене двух надзирателей. Первый — Д о н е л л и, второй — Н о в е н ь к и й.

Донелли. Не бросай спичку на пол.

Новенький. Виноват.

Донелли. Пара минут свободных. У Шефа куча дел, он совать сюда нос вряд ли станет.

Новенький. Отвратная вещь ночное дежурство. Тем более нынче.

Явственно слышно перестукивание.

Донелли. Вообще-то мы обязаны совершать обход каждые полчаса, но стоит ли! Ты только послушай.

Перестукивание.

Новенький. Трёк, трёк, трёк. Удивительно, как эти чертовы трубы, чтоб они сгорели, еще выдерживают.

Перестукивание.

Донелли. Черт бы их всех подрал. Все это кодро треплется уже с семи часов.

Перестукивание.

Новенький. Может, пойти взглянуть, кто это там так старается.

Донелли. Кто старается? Да ты послушай.

Новенький. Все-таки, может, сходить?

Донелли. Стой, где ты ешь, и лучше закури. Это никогда не мешает. Как только ты сунешься в первый глазок, сосед оповестит весь корпус. Ну и не выставляй сигарету-то. Ты когда-нибудь попадал в такую историю прежде?

Новенький. Нет.

Перестукивание.

Донелли. Они будут так стучать с шести утра, а без четверти восемь будет такой тарарам, как репортаж с Гранд Нэшнл.

Перестукивание.

(В пространство.) Прекратите же, черт возьми. И когда он пойдет, здесь будет жуткий гвалт. Последнее, что он услышит.

Перестукивание замирает.

Новенький. Расскажи еще что-нибудь.

Перестукивание.

Донелли. Успокаиваются понемногу. Можно подумать, они решили почитать или вздремнуть.

Новенький. Отвратная работа.

Донелли. Мы здесь, дружок, из-за трех «п»: получка, повышение, пенсия. Вот о чем положено думать государственным служащим вроде нас.

Новенький. Ты прав.

Донелли. Слушай, ты ведь не решишь, что я выпендриваюсь, если скажу, что из нас двоих я старший, верно?

Новенький. Понятно.

Донелли. Это самое, я не хочу хвастать — Бог дает нам мозги, это не наша заслуга; так я думаю, я могу говорить с тобой как старший. Ничего?

Новенький. Да, конечно. За любую науку я тебе только благодарен буду. Дурак, кто не хочет послушать, верно же, когда кто постарше скажет ему что-то полезное для карьеры.

Донелли. Ну вот; так я буду прав, если скажу, что у тебя еще нет своего этажа?

Новенький. Конечно; конечно ты прав. Я просто тут, там и где надо, — в общем, куда старший погонит.

Донелли. Ну вот, факты есть факты, против них не попрешь. Все мы сначала ползаем, а потом уж встаем на ноги, как сказал Человек. Но сказать тебе прямо, что я говорил про тебя Старшому?

Новенький. Конечно, давай прямо. Если ты во мне нашел недостатки, лучше о них узнать от друга, чем от врага.

Донелли. Не о недостатках речь. Если уж не могу человеку хорошее сделать, лучше вообще молчать, чем напортить.

Новенький. Да, это я знаю.

Донелли. В общем, я сказал Старшому, что ты вполне можешь справиться с этажом. Если, значит, объявится вакансия. И я не думаю, что выдам служебную информацию, если скажу, что такая вакансия может объявиться в ближайшем будущем. Еще до конца месяца. Усек?

Новенький. Конечно усек, и я уж не знаю, как благодарить тебя. Но я от тебя другого и не ждал. Это в твоей природе.

Донелли. Может случиться, что наш Старшой уйдет на повышение в Бог и что кому-нибудь из старичков отдадут его место.

Новенький. Да ну?!

Донелли. Не ну, а точно.

Новенький. Да тут каждый обрадуется служить под твоим началом. У тебя такой подход ко всем. Даже к эзкам.

Донелли. Ну, я надеюсь сделать что могу для товарищей, и каждый может на меня рассчитывать, если только он не двуличный гад и ханжа, как некоторые, о ком лучше не говорить. Что ж, он и я, мы занимаем одинаковый пост, но только один может стать Старшим, и я уж точно знаю, они не назначат туда полудурка, который ходит и просит всех убийц молиться за него.

Новенький. Надо думать. Если, конечно, они сами не полудурки.

Донелли. И надо думать, они знают его не хуже нашего.

Новенький. Кроме каноника; этот бедняга хорошо о нем отзывался.

Донелли. Ну, насчет «бедняги» это ты уже лишнее. Прости, Господи, не хочу брать греха на душу — и в Писании сказано: «Не прикасайтесь к помазанному Моим», — но каноник еще тот тип. Ты еще всего не знаешь.

Новенький. Да иди ты к богу.

Донелли. Точно. Я тебе говорю. С него требовали подписку, чтоб он молчал кое о чем, и отправили сюда, и это единственная работа, больше бы никуда не взяли. Натворил он дел, хотя, да простит меня Бог, наверно не стоит болтать об этом.

Новенький. Ну, спеть-то можно.

Донелли. Мне рассказывали, что он уговорил экономку принять в дом девуку, — это к священнику в дом! — чтоб она родила — и незаконного!

Новенький. Да разве такому можно священником быть?

Донелли. Ему и капелланом-то тюремным нельзя быть, а не то что. Кажется, Корпусной идет или еще кто-то. Дуй в коридор и сделай вид, что выслеживаешь перестукивающихся. И о нашем разговоре — ни-ни. Этс между нами.

Новенький. Что ты! Ясно — могила. Но спасибо все равно.

Донелли. Пожалуйста, не за что. Не удивляйся, если получишь этаж раньше, чем ожидал... Тридцать камер в полное твое распоряжение еще до того, как тебе стукнет пятьдесят.

Новенький. Велю племянницам за тебя молиться.

Входит Шеф.

Донелли. Все в порядке, сэр.

Шеф. Черта с два «все в порядке»! Я уже полчаса слышу, как ты треплешься с этим парнем.

Донелли. Переговаривались по водопроводным трубам, сэр, и я десять раз велел ему сходить на этаж и посмотреть, кто это. По-моему, сэр, этот человек несколько туповат.

Шеф. По-твоему. Что ж, ты сам такой же тупица, тебе и судить. Но кто, черт бы тебя подрал, кто ты такой, чтоб приказывать кому-то что-то делать? Ты несешь такое же ночное дежурство, как и он.

Донелли. Я думал, сэр, поскольку сегодня особая ночь...

Шеф. Что, ночь под Рождество, что ли? Слушай, то, что утром будет казнь, к тебе никакого отношения не имеет. Твоя работа вовсе не в том, чтоб об этом думать, но, если ты за нее взялся, смотри, как бы самому случайно не окрутиться да и угодить в яму. И вообще, что ты тут делаешь?

Донелли. Я думал, нужно сторожить могилу, сэр.

Шеф. Боишься, что ее сопрут? Возможно. Здесь столько воров, что ничего нельзя оставить. Убирайся отсюда и принимайся за дежурство. Если б ты не был тут одним из старейших, я бы сообщил Начальнику. Катись отсюда и забудем об этом.

Донелли. Слушаюсь, сэр. Спасибо, сэр.

Перестукивание.

Шеф. И прекрати это перестукивание.

Донелли. Конечно, сэр. И еще раз спасибо, сэр.

Донелли отдает честь и идет к воротам тюрьмы. Ворота открываются. Входит Начальник в вечернем костюме. Донелли замирает на секунду по стойке «смирно», козыряет и потом выходит. Начальник спускается по ступенькам и подходит к Шефу.

Шеф. Все в порядке, сэр.

Начальник. Что ж, хорошо. С помилованием ничего нового, в полдень было получено последнее слово. Но вы же знаете, Шеф, как это делается, всегда надеешься, что в последнюю минуту что-то изменится. Сознаюсь, впрочем, я был бы более чем удивлен, если б министр подал прошение. Ну что ж, пойду повидаяю его, пока каноник не пришел. Они обычно легче исповедуются, когда знают, что надеяться уже не на что. Как он?

Шеф. В полном порядке, сэр. Сидит у огня и болтает с надзирателями. Говорит, что, может, ляжет спать, после того как повидает священника.

Начальник. Позаботьтесь, чтоб исполнителю и его ассистентам дали хороший завтрак.

Шеф. Разумеется, сэр. Он как раз очень беспокоился, чтоб была именно яичница с ветчиной. Прoshлый раз какая-то голодная скотина сожрала пол его завтрака. Так он готов был убить.

Начальник. Смотрите, чтоб в этот раз ничего подобного.

Шеф. Ну что вы, сэр! У него на той неделе еще одна казнь в Крамлине, и нам ни к чему, чтоб он болтал в Белфасте, будто мы его тут заморили голодом.

Начальник. Они еще не вернулись из города?

Шеф (смотрит на часы). Все уже закрылось. Полагаю, они скоро появятся. Я поставил Клэнси у боковых ворот пропустить их. После того как он обмерил беднягу, они отправились в его любимое заведение. Какой-то кабак в начале Грэфтон-стрит. Он там душа общества. Посетители считают его туристом из Англии. Хозяин-то знает, кто он на самом деле, но они ведь — коллеги; оба — владельцы пивных, а этот бизнес иной раз не хуже повешения.

Начальник. Наверное, такая работа делает его философом, а вино, как известно, утешение философов.

Шеф. Вы, несомненно, правы, сэр. Но он сам мне рассказывал, что выпивает, только когда у него работа. Остальное время он обслуживает посетителей за стойкой собственного бара.

Начальник. Дженкинсон с ним?

Шеф. Да, сэр. Он любит, чтоб он был с ним на случай, если переберет малость. Однажды он отправился по кабакам прямо с парохода и провел там весь день. Так когда он сюда добрался, оказалось, что он-таки забыл свой черный ящик с веревкой, мылом и прочим барахлом в каком-то кабаке и никак не мог вспомнить в каком.

Начальник. Не может быть

Шеф. Клянусь. Вы тогда работали в Лимерике, сэр. У нас тут было бог знает что. Наутро казнь, а ящика со всеми причиндалами нет. Тогдашний начальник посулил Святому Антонию девятидневную молитву и два объявления в «Мессенджер», если только найдут вовремя. И точно, после того как машины отделения объездили весь город, ящик нашли — в кабаке у Северной стены, в самом первом, куда он пошел. Вот вам сила молитвы, сэр.

Начальник. Да, понимаю.

Шеф. Так что он теперь всегда берет с собой Дженкинсона. Видите ли, Дженкинсон непьющий и вообще праведник. Он уличный проповедник — у методистов или как их там. «Сам» предпочитает трезвенников. Одно время у него был ирландец из Клэра, так он выгнал его за пьянку. В этом, говорит, цирке только одному можно выпивать — распорядителю.

Начальник. Во время Экономической войны мы хотели нанять палача из местных и дали объявление. Нужно было, чтоб он бегло говорил по-ирландски. *Cauliochtai do ríor Meamram V. 7*¹. Подходящей кандидатуры так и не нашлось.

Шеф. Кстати, сэр, должен вам сообщить: два надзирателя из ночной смены болтали здесь вместо обхода.

Начальник. Напомните мне об этом завтра.

Шеф. Слушаюсь, сэр; и по-моему, мне следует сообщить вам, что старший из них отпустил шутку насчет казни.

Начальник. Боже правый! Это уж переходит все границы. Я сейчас был на вечере встречи в своей бывшей школе; ушел просто в замешательстве. Шуточки, которые отпускались в мой адрес за моим столом, — все как будто находили их остроумными. Мой старший сын был в ярости, что я вообще пришел туда. Он сидел со студентами из университета, так те были еще хуже. Один щенок обнаглел настолько, что спросил его, не соглашусь ли я продекламировать «В ту ночь как Ларри растянули». Непременно скажу ректору, что в этом городе есть, кажется, только одно место, где к казни относятся действительно всерьез. Ну, доброй ночи.

Шеф. Доброй ночи, сэр.

Перестукивание. Шеф ходит взад-вперед по сцене. Входит Риган.

Шеф. А, мистер Риган. А где ваш напарник?

Риган. Придет через минуту.

Шеф. Не знаю, Риган, что бы мы делали без вас в таких случаях. Не могу ли я или Начальник чем-либо помочь?

Риган. Разве что десяток молитв.

Шеф. Вряд ли я могу просить о таком Начальника.

Риган. Его молитвы ничем не хуже других.

Шеф. Ну, а с практической стороны — можно что-нибудь предпринять?

Риган. Бутылку чего-нибудь.

Шеф. Вы думаете, он будет пить?

Риган. Нет. Но я буду.

Шеф. Риган, я вам удивляюсь.

Риган. Я воспитывался среди людей, которые по поводу смерти либо

¹ Ограничение, в соответствии с пунктом № 7 Меморандума (ирл.)

пили, либо молились. Некоторые и то, и другое. Вы думаете, если смерть освящена законом, она отличается от других? От вашей, например.

Шеф. Меня не сочли виновным в убийстве, Риган.

Риган. Нет, конечно нет. И никто не собирается кидаться на вас завтра утром и выпускать из вас дух. Но не о нем я сейчас думаю, о себе. И не вкручивайте мне, что это только поворот рычага — и дело в шляпе. Вы забыли, как они иногда цепляются и как приходится его тащить к краю и спихивать в дырку. И вы никогда не слышали, как надзиратели там, внизу, повисают у него на ногах, чтоб как следует сломать шею? Или прыгают ему на спину, если он пролетел слишком мало?

Шеф. Я удивляюсь вам, Риган.

Риган. Это уже второй раз сегодня.

Перестукивание. Входит Криммин.

Шеф. Риган, я надеюсь, вы постараетесь забыть, что вы сейчас говорили. Если подобные разговоры пойдут за пределами тюрьмы...

Риган (*почти кричит*). Из этого надо сделать публичное представление в Кроук-парке! Это, в конце концов, делается на деньги публики, и она это допускает. За свои деньги они могут получить побольше, чем клочок бумаги на воротах.

Шеф. Доброй ночи, Риган. Если бы я вас не знал, я бы доложил обо всем начальству.

Риган. Все равно доложите.

Шеф. Спокойной ночи, Риган.

Риган (*Криммину*). Криммин, вы тут? Схожу в больницу, соображу что-нибудь нам на ужин. Пустой мешок не стоит, как сказал Человек; а полный не гнется. (*Уходит.*)

Криммин прохаживается. Вдалеке слышен шум уличного движения, заглушающий на время перестукивание. Слышно пение пьяной компании. В темноте появляются Донелли и Новенький.

Донелли. Это вы, мистер Криммин?

Криммин. Да, я.

Донелли. Скверная у вас нынче работа — для начинающего. Но одно вам могу сказать: с вами сегодня прекрасный человек. Мы с коллегой только что о нем говорили.

Новенький. Совершенно верно. Потрясающий человек — и порядочный.

Донелли. Там кто-то идет. Слишком сегодня хорошая ночь, чтоб оставаться в четырех стенах. Доброй ночи, мистер Криммин.

Криммин. Доброй ночи, сэр.

Донелли (*удаляясь*). Пошли глотнем чайку.

Криммин ждет. Слышно перестукивание. Снова входит Риган.

Риган. Ужин готов. Хорошая, ясная ночь. Слышите, это автобусы. Парни разъезжаются от своих птичек или после кино или танцев; и некоторые, верно, хорошо поднабрались, но наполовину трезвы от мысли, что их баба скажет, когда они домой заявятся. Всего в каких-нибудь ста ярдах отсюда, на мосту! Можно подумать — за сотню миль. Вон наши из кабака возвращаются.

Слышны голоса. Входят Палач и Дженкинсон.

Палач (*поет*). Как роза, была она нежная, летняя,
Глаза ее сердце ласкали и жгли.
И лишь из-за этого, лишь из-за этого
Влюбился я в Мэри, розу Трали.

Никаких признаков Ригана.

Дженкинсон. Он, наверно, заступил на дежурство. Уж слишком поздно вы ушли оттуда.

Палач. Что ж, если гора не идет к Магомету, придется Магомету идти к горе.

Риган (*из темноты*). Как девочка сказала солдату.

Палач. Как девочка сказала солдату. Это вы, Риган? Выпьете, а?

Риган. Боюсь, нам пора.

Палач. Да подождите вы, «пора»! Опрокиньте одну со мной. Приятно увидеть вас снова. Редко встречаемся. Адам, передай-ка ему бутылку чистого. (*Снова поет.*) «И лишь из-за этого, лишь из-за этого влюбился я в Мэри, розу Трали...» Неплохо для старика, верно? Прекрасная песня, по моему. Хотя и религиозная. «Фонтан бедного христианина». Люблю старинные ирландские песни; у нас там по субботам, знаете, много ирландцев.

Риган. Это называется «спортивный кабак»?

Палач. Совершенно верно, и со старым спортсменом за стойкой бара к тому же. Все ирландцы приходят — точно, Адам?

Дженкинсон (*мрачно*). Вроде, да. Может, потому что больше никто не хочет.

Палач. Что ты хочешь сказать? У нас лучшее пиво в округе. Хотя ты не разбираешься.

Риган. Ваше здоровье.

Палач. Чтоб нам всегда такое иметь. (*Дженкинсону.*) Подходящее у тебя настроение, ничего не скажешь; заставляешь всех считать, будто ко мне только ирландцы ходят. У меня никогда не было нехватки в друзьях. А знаешь почему? Потому что мне ничего не стоит отмахать сотню миль, чтоб оказать человеку услугу. Я всегда старался исполнить свой долг.

Дженкинсон. Я тоже.

Палач. Помнишь, как я встал больной с постели, чтобы повесить того солдата в Стрейнджуэйзе? А все потому, что знал, что у тебя и Крисмаса не хватит опыта.

Дженкинсон. Что ж, это верно.

Палач. Не буду я с тобой ссориться. Слышь, достань-ка свою концертину, сыграй им тот гимн, что сам сочинил.

Дженкинсон колеблется.

Ну, давай же. Отличный мотив, надо отдать тебе должное. Давай, парень.

Дженкинсон. Ладно, только ничего кроме гимна. (*Идет за инструментом.*)

Риган. Хорошая идея.

Палач. Славный он парень, наш Адам, но сейчас малость не в своей тарелке. Он и Крисмас, они раньше распевали на перекрестках с Оркестром Святой Радости, каждую субботу, вечером, и с концертной тоже. Но кто-то из ребят пронюхал, кто они такие, и в коробке для денег стали попадаться куски веревки. Пришлось покончить с уличными концертами. Но этот гимн прямо за душу берет — про повешение, помилование и все такое. Прямо слезы на глаза наворачиваются, как послушаешь, как Адам и Крисмас его поют.

Дженкинсон возвращается.

Дженкинсон. Петь?

Палач. Давай.

Дженкинсон (*поет*). Мой бедный брат, Господь у нас в сердцах.
Покуда твой не пробил смертный час,
Стань на колени и о всех грехах
Скажи Тому, кто принял смерть за нас.

Палач. Значит, если парень весит шесть пудов, то ему надо дать пролететь восемь футов...

Дженкинсон.

Когда тебя все люди гонят прочь
И плачешь ты — с тобою плачу я.
Пусть грехи твои черны, как ночь,
Приди ко мне: их смоем кровь моя.

Палач. ...а на каждые пять кило, если он легче, придется бросать его на два дюйма ниже, так что, если он весит пять с половиной пудов, бросаешь на восемь футов и два дюйма, а ежели в нем пять пудов — ему надо лететь восемь футов и четыре дюйма.

Дженкинсон. Хотя ты меня обидел тяжко, брат,
Я все ж люблю тебя, взгляни-ка ввысь:
Смотри, я не закрыл небесных врат,
Приди и к ранам там моим прижмись.

Палач. ...и поскольку, значит, в нем без четырех килограммов пять пудов, то, в общем, ему надо дать восемь футов и... и восемь дюймов. Но у него крепкая шея, так что, пожалуй, накину-ка я ему еще парочку дюймов. Да, значит, получается восемь футов и десять дюймов.

Дженкинсон. Мой бедный брат, близка пора твоя.
Скажи «прости», и я благословлю.
Ты дорого достался мне, но я
За это лишь сильнее тебя люблю.

Палач. Теперь поделим четыреста двенадцать на вес тела в пудах и потом умножим на... на... (*Оглядывается и как бы спохватывается.*) Он, наверно, католик, мистер Риган?

Риган. Именно.

Палач. Ну что ж. все. Спокойной ночи.

Дженкинсон. Спокойной ночи.

Риган. Спокойной ночи.

Палач и Дженкинсон удаляются.

Спасибо за гимн. Славная ночь для звезд. Если на какой-нибудь из них есть жизнь, неужто там творится то же самое? Неужто на какой-нибудь планете сейчас тоже по двору прохаживаются надзиратели, и какой-нибудь ихний малый тоже ждет наутро веревку и в последний раз смотрит сквозь решетку на луну и на нашу землю? Хотя, сколько я помню, это их мало заботит. Обычно это все больше письма матерям или женам — но мы-то их потом не отсылаем, бросаем с ними в могилу. Какой смысл распространять этот душераздирающий вздор?

В. (*поет из окна своей камеры*). Is e fath mo bhoadhartha na bhaghaim cead curts ¹.

Риган. У нас нынче просто настоящий церковный хор.

Криммин. Он поет для... для...

Риган. Да, для приговоренного.

Криммин. Да. А почему англичанина интересует, не католик ли он?

Риган. Ну, им надо знать, разрезать ли потом балахон, потому что по обряду положено смазать его елеем, и руки и ноги тоже, так что ребятам в морге придется стаскивать с него ботинки, носки и так далее.

В. (*поет*). N'il gaoth adtuaidh ann,
Ni'l sneachta cruaidh ann... ²

Риган. Пошли-ка, пора уже, а то эти двое там, поди, осатанели, сидеши в четырех стенах. Они же там с четырех.

В. (*поет*). Mo whuirnin bhan... ³

Песня постепенно замирает; сцена понемногу
светлеет и начинается

¹ Потому и горюю, что нельзя тебя видеть (*ирл.*).

² То не северный ветер, то не обжигающий снег... (*ирл.*).

³ Моя светлая, моя дорогая (*ирл.*).

Сцена вторая

Тюремный двор. раннее утро.

Донелли. Сколько сейчас?

Новенький. Без семи.

Донелли. Как только будет без пяти, они начнут. Можно подумать, у них там хронометр. Сидеть бы сейчас дома, завтракать. Сколько?

Новенький. Почти без шести.

Голос Миксера. Bail o dhis orribh go leir a chairdre ¹.

Донелли. Я так и знал. Ага, это эта сволочь Миксер. Ну, на сей раз он попался!

Голос Миксера. Мы ведем тебя в корпус Д...

Донелли. Ты, ублюдок! Я тебе покажу корпус Д!

Голос Миксера. Время пришло, и мы начинаем. И кого же я вижу во главе парада, как не Шерифа нашего древнего, славного города, известного в песнях и в сказках как место, где свиньи сожрали однажды кисти для побелки. И...

Надзиратели обнажают головы.

...мы шествуем в следующем порядке: Начальник, Корпусной, два мусора — Риган и Криммин,— и Ты между ними, и еще два мусора, и три темных субъекта с той стороны пролива тоже не отстают, дальше каноник. А ты — ты стараешься держать себя в руках. Последние десять метров. Белый мешок для пудинга уже на твоей голове. Уже недалеко идти. Всё. Пришли.

Часы начинают бить, каждую четверть все громче.

Они ставят его ноги к меловой черте. Сейчас их свяжут. Мешок наденут на морду. Мусора сходят с крышки люка, выпрямляют его. Ну. «Сам» подходит к рычагу. И...

Бьет восемь. Надзиратели крестятся и надевают фуражки. Заключенные издают яростный рев.

Все. Загнулся, преставился, загнулся, преставился.

Донелли. Заткнитесь, заткнитесь!

Новенький. Заткнитесь, заткнитесь, заткнитесь!

Донелли. Я знаю, кто в каком окне! Вы у меня получите! Заткнитесь.

Шум утихает и наконец прекращается совсем.

А теперь пошли за Миксером. (*Мрачно.*) Вылечу я его от кашля. Пошли...

Входит Р и г а н.

Риган. Помогите-ка мне с этим парнем.

Донелли. Мы идем за Миксером.

Риган. Это терпит, помогите-ка мне. Он потерял сознание, когда люк открылся.

Донелли. Хрупкая нынче молодежь пошла. Как спички.

Через двор проносят Криммина.

Голос Соседа. Данлейн! Воскресная ветчина моя. Его таки вздернули.

Голос А. Ничего, скоро ты его нагонишь.

Голос Данлейна. Не обращай внимания, Сосед.

Голос Соседа. Не забудь про ветчину, Данлейн!

Голос Данлейна. Сосед, я забыл тебе сказать.

Голос Соседа. Что ты забыл мне сказать?

Английский голос. Где этот малый, что выходит сегодня?

Голос Соседа. Наверху, у Нелли за часами. Так что насчет ветчины, Данлейн?

Английский голос. Эй, который освобождается! Не забудь повидать моего кореша, пусть поможет выкрутиться.

¹ Морс и небо не ждуг человека (*ирл.*).

Голос Соседа. Хочешь жить — умей вертеться. Так как насчет ветчины, Данлейн?

Английский голос. Да пропади ты пропадом с твоей ветчиной!

Голос Данлейна. Заткнись ты на минутку со своим корешем, дай я скажу ему за наше пари.

Голос Соседа. Ты ж проиграл, об чем речь?

Голос Данлейна. Ага, но врач сказал, у меня брюхо не в порядке, и посадил на молочную диету.

Через ворота входит Шеф и задирает голову.

Шеф. Убирайтесь с окон. Слезайте, ну, живо! (*Делает знак тем, кто за сценой, войти.*)

Мимо Шефа проходят А., Б., В. и Г. У Б. молоток и стамеска.

Эй ты, впереди! У тебя молоток и стамеска?

Б. Так точно, сэр.

Шеф. А вы трое — за работу. Лопаты там, где вы их вчера оставили. Приведите яму в порядок и подготовьте. Ясно?

А., В. и Г. подходят к могиле, снимают мешковину, берут лопаты и принимаются за работу. Б. стоит на верхней ступеньке лестницы со своей стамеской и ждет. Шеф изучает бумаги, чтоб отдать последние распоряжения.

Да, точно... Значит, так. (*К Б.*) Вырежешь на камне E-777. Понял?

Б. Понял, сэр. E-777.

Шеф. Правильно. Вообще-то по бумагам он E-779, но девятку вырезать трудней, чем семерку. Вон на том камне в стене, который поближе. Давай, пошел. (*Повышает голос.*) Каждому по две бутылки чистого, как обычно. Но только если будете работать как люди.

Донелли. Сэр, я знаю, кто устроил сегодня этот шум. Это Миксер. Пойду отведу его в карцер. Это будет у меня час переработки, сэр.

Шеф. Опоздал малость. Он уже освободился. Мы ему еще с вечера одежду выдали. Ждали только, чтоб все кончилось, и теперь он пошел.

Донелли. Но... Сэр, это он же заварил сегодня всю кашу.

Шеф. Ну так чего же ты хочешь, чтоб я побежал за ним по Круглой дороге? Он вышел по досрочному, понял? Мы могли бы и отменить, но ты, черт бы тебя побрал, прокопался.

Донелли. Мы помогли переносить...

Шеф. Помогали переносить... Надзиратели! Вам бы у Вулворта работать.

Новенький. Надо же, как вывернулся, гад. Подумать противно. Орал, когда человек отходил к Богу!

Донелли. Это-то черт с ним. А вот он нахамил мне однажды, в сорок втором году, на лесопилке, а я сделать ничего не мог — он был тогда на подследственном. Я, можно сказать, годами ждал случая поговорить с ним по душам.

Новенький. Не расстраивайся: вернется.

Над краем могилы виднеется только голова А.

Б. Как считаешь, этот камень ближе всего?

А. Сойдет и этот. Это же только для отчета. Вряд ли они когда-нибудь станут выкапывать его и канонизировать.

Б. Да уж наверное. Значит, E-777.

Риган бросает письма в могилу и уходит.

А. Черт возьми, дай-ка эти письма. Воскресные газеты хорошо за них заплатят.

Б. Что-то такое ты вроде бы вчера рассказывал.

А. Ладно, давай их сюда.

Г. Они настолько же твоя собственность, как и каждого из нас.

Б. Не драться же из-за них. Поделится по-честному. Кто хочет, может взять мою долю. Малыш тоже, наверное, не жаждет.

Г. Верно. Договоримся как деловые люди. Бизнес есть бизнес. Их всего три; каждому по письму, а третье разыграем. Я человек дела.

А. Что ж, это по-честному. Разве мы не бизнесмены? Только без конторы.

Г. Тебе какую сторону? Где адрес или пустую?

Голос из карцера. Ах, в зоне женской
 Полсотни женщин,
 Побывать бы с ними, мне так их жаль.
 А ключ на связке
 Бренчит как в сказке,
 И канал Английский струится вдаль.

Занавес опускается.

Конец

От редакции

Публикации на страницах нашего журнала ранних переводов Иосифа Бродского в последние годы становятся почти регулярными. Два десятилетия рукописи этих переводов бережно хранились не только его близкими друзьями, но и малознакомыми людьми в какой-нибудь редакции или театре, где их в свое время отвергли. Бродский потерял след этих рукописей, и по его просьбе мы посылаем ему копии в Нью-Йорк.

Первыми в журнале увидели свет переводы стихов английского поэта-метафизика Джона Донна и посвященная Донну «Большая элегия» самого Бродского (1988, № 9), затем последовали переводы современных писателей — пьесы английского драматурга Тома Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» (1990, № 4) и стихов американского поэта Ричарда Уилбера (1990, № 10). В этом номере публикуется трагикомедия ирландца Брендана Бизна «Говоря о веревке»; на рукописи, сохранившейся в редакции «ИЛ», рукой переводчика написан обратный адрес: Ленинград, Литейный, 24, кв. 28.

Дело не только в восстановлении справедливости и в том утешительном факте, что рукописи не горят. Любопытно следить, чем являлся перевод для молодого Иосифа Бродского, как он, перефразируя его собственные слова, сказанные о другом поэте, «поглощает», словно «кит планктон или кисть — палитру», «стилистические наречия» разных стран и эпох. В наши грешные 90-е, время коммерциализации культуры (и размаха переводческой халтуры), этот опыт весьма поучителен.

Перевод пьесы Б. Бизна «Говоря о веревке» был переработан И. А. Бродским специально для настоящей публикации.

